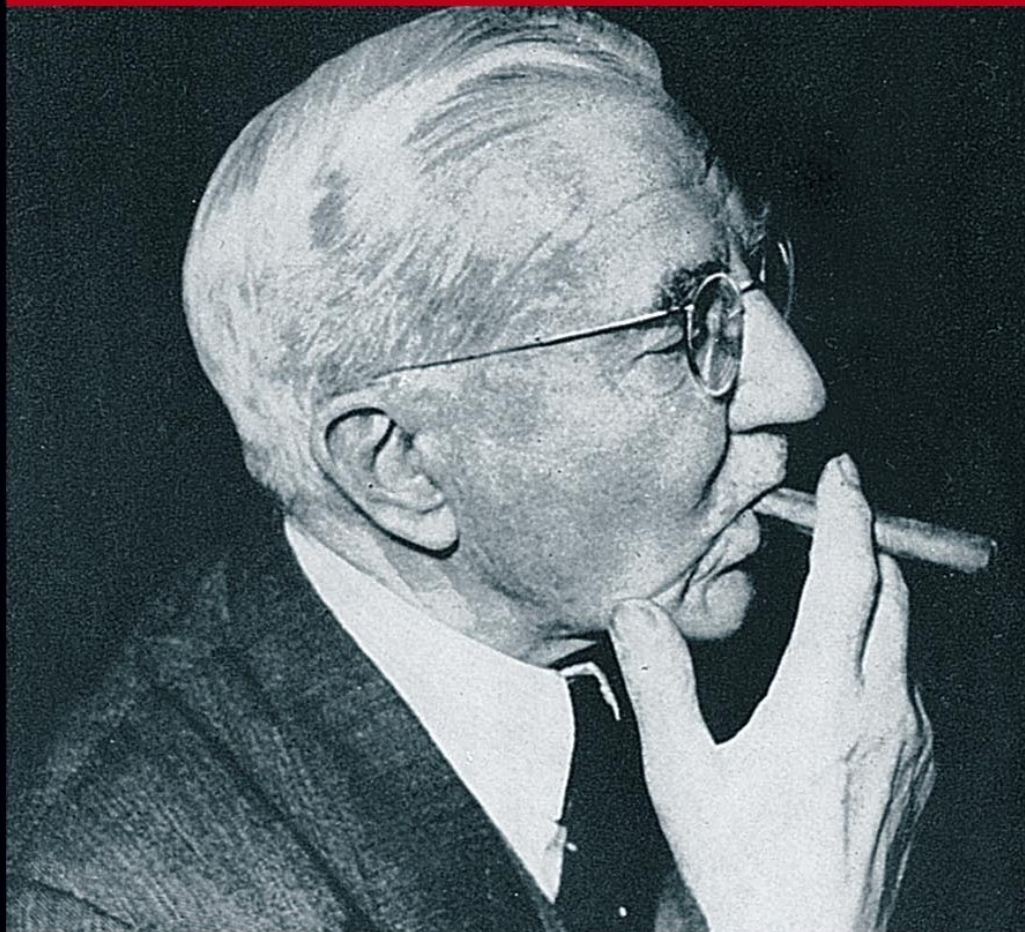

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Яльмар Шахт

**ГЛАВНЫЙ
ФИНАНСИСТ
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

ПРИЗНАНИЯ СТАРОГО ЛИСА

1923–1948

За линией фронта. Мемуары

Яльмар Шахт

**Главный финансист
Третьего рейха. Признания
старого лиса. 1923-1948**

«Центрполиграф»

УДК 94(430)086

ББК 63.3(0)62

Шахт Я.

Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса.
1923-1948 / Я. Шахт — «Центрполиграф», — (За линией
фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-4975-6

Яльмар Шахт — один из крупнейших финансистов Третьего рейха, человек, с именем которого многие в Германии связывали свои надежды на стабильную жизнь, и тот, кто обеспечивал нацистов на их пути к власти поддержкой могущественных финансовых и промышленных кругов. Разочаровавшись в гитлеровской политике, Шахт оказался причастным к Июльскому заговору против фюрера, был арестован и содержался в концлагере до окончания Второй мировой войны. Мемуары Шахта — не только описание жизни автора, это мысли гениального финансиста об особенностях его эпохи. Прекрасный журналист и широкообразованный человек, Шахт живо и ярко описывает события, в которых принимал участие, и людей, с которыми его сводила судьба. Среди них Бисмарк, Мильеран, Пуанкаре, Гитлер, Геринг, Рузвельт и другие крупнейшие политические и военные деятели. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430)086

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-4975-6

© Шахт Я.

© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Яльмар Шахт

Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923-1948

*Не насилие или сила денег
Формируют мир.
Нравственное воздействие, сила духа
Могут его изменить.*
Яльмар Шахт

Серия «За линией фронта. Мемуары» выпускается с 2002 года

Hjalmar Schacht

CONFESSIONS OF «THE OLD WIZARD»
THE AUTOBIOGRAPHY OF HJALMAR SCHACHT

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2011

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2011

Введение

День 2 сентября 1948 года был особенно душным. Чувствуя неудобство в меховой шубе, я стоял у выхода из лагеря для интернированных в Людвигсбурге, ожидая, когда придет надзиратель и откроет мне дверь. Жена с моим адвокатом ожидали снаружи. Моя отважная Манси, которая в течение нескольких лет вела отчаянную борьбу за мое освобождение. И вот наконец это случилось. Она приехала за мной на машине доктора Швамбергера. Снова и снова она поднимала руку, подавая неприметно сигнал, который означал: еще несколько минут – и ты будешь на свободе!

Текли мгновения. У ворот появились два молодых фоторепортера, готовые запечатлеть на пленке мой первый шаг на свободе. Я ждал. Фоторепортеры ухмылялись. Они явно сочинили заранее заголовок: «В шубе при температуре воздуха в 25 градусов по Цельсию бывший председатель Имперского банка выходит на свободу из лагеря в Людвигсбурге». Не было никакой возможности дать им пояснения относительно шубы. Что они знали о моем четырехлетнем заключении в застенках гестапо, об американских и немецких судах по денацификации? Могли они знать что-нибудь о состоянии моей одежды под этой шубой?

Мимо прошли двое рабочих и, заинтересовавшись происходящей драмой, остановились, закулив сигареты. Я слышал их разговор.

– Это Шахт, – сказал один из них. – Его вчера оправдали.

– Думаешь, ему позволят выйти? – спросил другой. Он носил голубые брюки из грубой хлопчатобумажной ткани, а от пояса доверху его прикрывала лишь собственная загорелая кожа.

– Нет, – отвечал медленно первый. – Не думаю, что его выпустят. Найдут ту или иную причину, чтобы снова запихнуть его в тюрьму!

Они поплевали на ладони, подхватили свои инструменты и удалились. Их беседу нельзя было назвать ободряющей. «Глас народа», – подумал я.

Подошел надзиратель, звеня связкой ключей, и торжественно открыл большие ворота. Защелкали фотоаппараты. Кто-то задал мне вопрос. Манси резко оборвала его и повела меня к машине. Я опустился на заднее сиденье рядом с человеком, который несколько месяцев назад был моим защитником в суде.

– Поехали, – сказала Манси, – подальше отсюда...

Не помню, когда я взялся писать свои мемуары, в тот самый вечер или в один из последующих вечеров. Впервые за четыре года, месяц и десять дней я был свободным человеком. С тех пор, как в семь часов утра 23 июля 1944 года за мной пришли агенты секретной полиции, меня швыряли из одного места в другое, как почтовую посылку. Моей судьбой распоряжались какие-то незнакомые мне люди, меня перевозили из одной тюрьмы в другую в легкой машине, самолете и грузовике. Они доставляли меня из камеры на судебные заседания и обратно, кричали на меня, угрожали, говорили мне любезности. Тюремная обстановка везде одинакова. Меня сажали в камеру по обвинению в заговоре против Гитлера. После смерти Гитлера заточили в тюрьму за содействие ему. Люди, ничего не знавшие о моей стране или обстоятельствах моей личной жизни, позволяли себе бездоказательно обвинять меня и мою страну. Они бросали свои избитые обвинения мне прямо в лицо.

Мне стукнул семьдесят один год, и вдруг я снова свободный человек. Жена и дети жили в какой-то хижине в Люнебургской пустоши. Я потерял все, что имел, – деньги, дом, землю, даже лес, который сам когда-то посадил.

Подобная ситуация заставляет человека размышлять. Он начинает думать о будущем, так же как и о прошлой жизни. Будущее меня крайне беспокоило. В молодости я сумел про-

биться наверх. Мог совершить это и во второй раз. В своем семействе мы выросли поздно и сохраняли активность по достижении библейского возраста. Так было с моим дедом, приходским врачом в небольшом северогерманском городке. То же можно сказать о моем отце, который эмигрировал молодым человеком в Америку, через шесть лет вернулся в Германию и стал заново строить свою жизнь. Я не мог поступить иначе. Нет, у меня нет страха перед будущим. Буду работать, не подведу трех родных людей, которые зависят от меня.

Прошлое – несколько другое дело. Могут, конечно, возразить, что четырех лет тюрьмы, концентрационных лагерей, международных трибуналов и судов по денацификации более чем достаточно, чтобы свести счеты с прошлым. Это ошибочное предположение. В ходе расследования у подсудимого нет времени для того, чтобы прийти к согласию с самим собой. Беззащитного, его отдают в руки властей, которые – от тюремного надзирателя до выдающегося государственного обвинителя – ни на мгновение не ослабляют своей хватки. Неуклонно и неослабно они стремятся поймать вас на чем-то, загнать в угол, найти улики против вас. Необходимо сохранять присутствие духа, постоянно быть настороже, чтобы не поддаться на уловки. Постоянно сталкиваясь с разного рода ухищрениями, запугиваниями, уговорами, которые меняются каждый день, вы перестаете быть свободным индивидом, но становитесь мишенью для закона. В этом все дело, и не важно, попадете ли вы в нацистские концентрационные лагеря, в американскую тюрьму как «военный преступник» или в лагеря по приговорам судов по денацификации. В нашей действительности политические трибуналы имеют своей целью захватить свои жертвы врасплох. Глубоко осмыслить свое положение способен только свободный человек.

Через несколько дней после освобождения я прогуливался в лесу у речки. Люблю лес и воду. В моем бывшем поместье (сейчас попавшем в руки русских) были леса, озера с водоплавающими птицами – цаплями, крохальями, нырками, дикими утками...

Солнце село среди буйства красок. На зеркальной поверхности воды отражались рваные облака – красные, оранжевые, желтые. На некоторое время я застыл, наблюдая эту картину, затем сел на скамью.

– Вы не доктор Шахт? – прозвучал рядом голос.

Вздвигнув, я повернул голову. Какой-то человек – явно незнакомый, – бесшумно приблизившись, теперь сидел рядом со мной.

– Да, – ответил я.

Он протянул руку.

– Весьма рад встретиться с вами, доктор Шахт, – сказал он. – Всегда хотел обменяться с вами рукопожатием.

Мы пожали друг другу руки.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил я.

– Ничем, – сказал незнакомец. – Просто хотел воспользоваться случаем поговорить с вами. Вы ведь сейчас свободный человек, не так ли?

– Похоже на то, – молвил я.

Он устроился поудобнее, вынул коробку с сигарами и предложил закурить.

– Это не будет для вас накладно?

– Ничуть, – последовал великодушный ответ. – Сигары – мой бизнес, занимаюсь этим тридцать пять лет. Вы меня не помните?

– Не имею ни малейшего...

– Я видел вас как-то раз... В то время я ездил по делам фабрики, производившей сигары. Сейчас, слава богу, ездю по собственной инициативе. Дела идут неплохо. С введением немецкой марки люди снова покупают...

– Вам приходилось меня видеть?

– Я как раз собирался рассказать вам об этом. – Он передал мне спички. – Это случилось во время посещения мною Имперского банка. Моя фирма пожелала назвать новый сорт сигар вашим именем. Сигары «Яльмар Шахт», председательский сорт, ха-ха-ха!

Его смех расшевелил мою память.

– Вспомнил, – сказал я, – но не помню вашего лица. Вы приходили и предлагали деньги за использование моего имени?

– Совершенно верно, – сказал он. – Это и вам принесло бы большую пользу. Каждую неделю вы получали бы коробку сигар на протяжении всей своей жизни.

– Эта фирма все еще работает?

– Еще как! Дела идут как нельзя лучше! – воскликнул бодро торговец сигарами.

– Жаль, что я отклонил предложение, – произнес я просто для того, чтобы сказать что-нибудь.

– Да, разве не так? – парировал он.

Мы покурили, сидя рядом, еще четверть часа, затем он поднялся, долго и сердечно жал мне руку, потом удалился. Бедняга, говорило выражение его лица, с чем ты остался теперь? Имперскому банку – конец, рейху – конец, председатель банка смещен. Сейчас им не нужен председатель Имперского банка. Взгляни на меня – я всего лишь торговец сигарами, но у меня свое дело, и это лучше, чем председательствовать в Имперском банке. Если бы ты согласился, чтобы эти сигары назвали твоим именем, то получал бы сейчас даром коробку каждую неделю.

Именно это он хотел мне сказать. Я отбросил окурочек его сигары и закрыл глаза. Неожиданная встреча вырвала меня из настоящего – погнала меня в прошлое, вспоминать о котором снова было нелегко.

Правда, мое прошлое довольно часто связывали с Нюрнбергом, Штутгартom и Людвигсбургom. Люди стремились обеспечить документальным подтверждением, так сказать, каждый шаг в моей жизни. Но было ли прошлым то, что отражено в этих документах, было ли это на самом деле подлинным живым прошлым? В Нюрнберге и на судах по денацификации мои обвинители представляли документы, которые, как им казалось, раскрывали мою прошлую жизнь до мельчайших подробностей. Со своей стороны защита и свидетели представляли другие документы, содержавшие информацию совершенно противоположного характера. Люди, с которыми я во время государственной службы вел резкие, но объективные споры, теперь являлись в суды и свидетельствовали в мою пользу. Такие друзья, как, например, епископ Вурм, старались больше всего. Он вникал в любое выдвинутое против меня дело и демонстративно жал руки свидетелям, которые выступали в мою защиту. Однако эти свидетельства становились мертвой вещью, большей частью юридическим материалом. Ни одна из страниц документа – используемого в мою защиту или против меня – не представляла собой реального прошлого, но была лишь частью его, вырванной из контекста, а следовательно, нереальной.

Я пробежал мыслями почти семьдесят лет своей сознательной жизни. Сколько всего произошло за эти семьдесят лет!

Во время моего рождения новой Германской империи исполнилось семь лет. Ее канцлером был Бисмарк. Ганзейский город Гамбург еще не входил в Германский таможенный союз. Когда мне было одиннадцать лет, в Германии сменили друг друга в течение года три императора: Вильгельм I, Фридрих III и Вильгельм II. Германия была страной, устремленной в будущее, год за годом ее мощь возрастала. Студентом в Киле я наблюдал строительство нашего флота и грозные стальные формы броненосных крейсеров и линкоров. Когда я женился, через три года после начала XX века, Германия была в зените своего могущества. Еще сохранялась старая система альянсов Бисмарка. Никто не думал, что за непрерывным, устойчивым подъемом Германии в качестве новой колониальной державы таилась скрытая опасность мировой войны. Разве не было бы самонадеянным помышлять о нападении на эту новую Германию?

Разве не было справедливым для нас – отставших от народов Европы – сравняться с остальными?

Так это представлялось в то время. Будущее никого не беспокоило. Однако моя мирная супружеская жизнь продолжалась только одиннадцать лет. Затем разразилась война, и через четыре года произошел первый коллапс. Мне исполнился сорок один год, и я занимал должность управляющего банка, когда в рейх вернулись массы немцев, озлобленных, голодных, созревших для революции. Но революция не состоялась или состоялась в бессвязном виде. Император бежал, армию разоружили. Вместо императора Германия получила имперского президента и кабинет партийных министров. Но политические перемены не заслонили от нас того факта, что страна разорена. Обнищание народа, падение курса марки продолжались с неумолимой силой. Путь, который мы прошли после Первой мировой войны, был отмечен такими реалиями, как блокада голодом, продиктованный мир, инфляция. Ровно через пять лет после краха Германии я вовлекся в политику, от которой с тех пор не мог отделаться.

Мне было сорок шесть лет, когда правительство предложило мне пост уполномоченного по национальной валюте, за которым вскоре последовала должность председателя Имперского банка. Это назначение было пожаловано мне президентом Эбертом. Я принял его и стабилизировал марку.

Моя первая жена Луиза подарила мне двух детей – дочь, которой исполнилось двадцать лет во время назначения меня председателем Имперского банка, и сына, на семь лет моложе. Через три года я отмечал с семьей Рождество в Лозанне. Как обычно, мы украшали рождественскую елку и зажигали свечи. Ребят позвали в комнату, поставили рядом, Луиза прочла им рождественскую историю из Нового Завета. Я возвращался мыслями в Германию. Там впервые за несколько лет тысячи семей наслаждались миром и безопасностью, так же как мы. Работавшие люди получали зарплату, на которую могли приобретать товары. Ее составляли деньги, стоимость которых будет завтра такой же, как и сегодня. В моем кармане хранилось письмо, написанное не особо грамотным проводником спального вагона: «Дорогой доктор Шахт, впервые за несколько лет мы смогли положить под рождественскую елку подарки и должны благодарить за это только вас. Когда моя дочь Мика пришла вчера домой, она напевала: «Кто обеспечил устойчивость марки, не кто иной, как доктор Шахт». Я решил дать вам знать об этом и надеюсь, мое сообщение доставит вам радость. Искренне ваш...» Я получал много таких писем. Люди часто заговаривали со мной на улице и пожимали мне руку. Это были лично незнакомые мне люди, которые выражали благодарность и надежду на будущее с устойчивой денежной единицей...

Все это снова всплыло в моей памяти, когда я сидел на скамье тем вечером. Я пытался представить подлинное прошлое. Кто-нибудь спрашивал меня об этом во время допросов в гестапо? Или напомнил об этом в Нюрнберге и Людвигсбурге? Да, это случалось. Но у меня сложилось впечатление, что ни один из моих обвинителей не имел представления об обстановке в Германии того времени. Они заранее решили искать худшее во мне.

В моей голове вновь отражаются эхом шум от тюремной суеты, вопросы, адресованные мне судьями, адвокатами, прокурорами: что и почему, как это случилось в такое-то время? Вопросы беспрерывные и несмолкаемые!

Жизнь не остановилась, когда стабилизировалась германская марка. Всего лишь через несколько лет я стал в глазах многих своих бывших друзей самым ненавидимым в стране человеком, который заслуживал немедленного расстрела. Разрушитель немецкой экономики. Капиталист в сюртуке. Мерзкий друг евреев. Коррупцированный нацист. Так, без разбора, меня часто называли многие.

Я поднялся и пошел к жене в наше временное пристанище. Манси (на которой я женился в 1941 году) вопросительно взглянула на меня.

– Что ты делал? – спросила она.

- Сидел на скамейке, думал.
- О чем?
- О прошлом. Сами по себе явились воспоминания.
- Что за воспоминания?
- Воспоминания о прошлом. Крах Веймарской республики, Гитлер, мое второе председательство в Имперском банке, работа министром экономики.
- И что же заставило тебя думать обо всем этом?
- Неудовлетворенность. У меня такое чувство, будто вся юридическая процедура, которой я подвергался в последние четыре года, способствовала лишь сокрытию действительных фактов. Разве это не странно? Четыре года велись одни разговоры, изучались документы, снимались показания, заслушивались свидетели, оспаривались решения, запрашивалось мнение Совета – и каков результат?
- Тебя оправдали, – сказала она.
- Это один аспект дела, – согласился я. – Меня оправдали. Я никогда не сомневался, что меня придется оправдать. Но когда я раздумываю обо всем, что было выдвинуто ради моей защиты или обвинения в эти годы, то...
- То что? – спросила жена.
- То мне хочется сесть за стол и изложить на бумаге подлинную историю этой эпохи. Историю эпохи, которую пережил я. Не ту, какой ее видит американский или русский обвинитель, не ту, какой ее видят мои защитники. У них лишь одна цель: они хотят, чтобы подсудимого либо осудили, либо оправдали. Я не хочу быть ни тем ни другим. Хочу свободно высказаться о тех вещах, которые люди замалчивают даже сегодня.
- Хорошо, – сказала она, – почему бы и нет?

Все это происходило в начале сентября 1948 года, сразу после моего освобождения решением суда по денацификации, который сначала приговорил меня к восьми годам каторжных работ. С этого вечера я занялся обдумыванием прошлых событий, насколько позволяло время. Моей первой заботой было, конечно, найти средства обеспечения моей семьи – жены и двух маленьких дочерей, которые постепенно привыкали к своему отцу. Дочь от первого брака жила самостоятельно, но сын Йенс был убит русскими в возрасте тридцати пяти лет потому, что (как рассказал мне один из его товарищей) он свалился от слабости во время гибельного шествия в направлении тюрьмы.

Между тем я написал две книги – «Расплата с Гитлером» (Abrechnung mit Hitler) и «Золото для Европы» (Mehr Geld, mehr Kapital, mehr Arbeit!). Обе они выражают определенную позицию в отношении определенных проблем или касаются определенных периодов моей жизни.

Настоящая книга – нечто иное. Она содержит мысли старика в 76-летнем возрасте об особенностях его эпохи. Я сам сыграл в этой эпохе определенную роль и пытался влиять на нее. Меня часто называли чудотворцем – пусть эта книга станет мемуарами чудотворца. В моем прошлом нет ничего постыдного. Каждое человеческое существо обладает определенными врожденными чертами. Оно может, как говорит нам Писание, употребить свой талант в пользу или зарыть его. Я старался предоставить свои способности в распоряжение страны, которой принадлежу.

Кроме того, я движим стремлением, которое, насколько я помню, было всегда неотъемлемой частью всех моих поступков. Мне хотелось присоединить свой голос к тем, кто стремится развеять ядовитые миазмы, застилающие нашу эру. В ходе моей жизни случались ужасные вещи – завтра могут произойти вещи еще ужаснее, если мы откажемся извлечь уроки из прошлого.

Но, чтобы сделать это, следует ознакомиться с прошлым, следует знать, как произошли эти явления, как они вызревали тайком. С ноября 1923 года я постоянно возвышал голос протеста против излишней роскоши, против обольвания всей нации, против деспотического партийного влияния, против военного безумия. Из-за моих выступлений, печатных и устных, у меня появилось много врагов. Моя жизнь подвергалась угрозам, на меня нападали с разных сторон. Но в итоге я оказался прав в своих пророчествах и предостережениях. Те же, кто совершали на меня нападки, как оказалось, ошибались.

Вот почему я снова листаю страницы своей жизни с самого начала.

Часть первая Юность

Глава 1 Семьи Шахтов и Эггерсов

Банкир, бытует мнение, ведет легкую жизнь. Сидит в банке и ожидает, когда к нему придут люди и принесут деньги. Затем он вкладывает деньги в прибыльные предприятия, присваивает прибыль в конце года и выплачивает клиентам какие-нибудь мизерные дивиденды. Это самая легкая профессия в мире. Легкая и, следовательно, антиобщественная. Врачи, доказывают сторонники этого мнения, кузнец или дорожный рабочий по-настоящему работают. Банкир же бездельничает.

В свое время я знал многих банкиров. Некоторые из них были ленивы, большинство же отличались трудолюбием, были высокообразованными людьми, неутомимо работавшими над расширением своего поля деятельности. Это приходилось делать, иначе их банки не смогли бы в конце года выплачивать дивиденды.

Недоброжелатели забывают кое-что другое. Ни одному из них не приходит в голову спросить, откуда берутся банкиры! Вырастают ли они на деревьях, или обучаются в учебных заведениях, или принадлежат к мистическим династиям банкиров? И да и нет. Конечно, существовали и имеются до сих пор семейные династии банкиров – например, Мендельсоны, которые, помимо финансистов, произвели на свет поэтов, музыкантов, художников и ученых. Другие вышли из мелких слоев нашего общества благодаря своему трудолюбию, как директор немецкого Имперского банка, отец которого был посыльным в этом учреждении.

Словом, глупо говорить о банкирах отвлеченно. Всякий человек, так рассуждающий, ставит себя на один уровень с теми, которые судят-рядят о евреях, неграх, железнодорожниках. В любой профессии есть белые и черные овцы, и мне еще придется сказать кое-что о них.

Мою семью ни в коем случае нельзя считать зажиточной. Когда я родился, мои родители пребывали в бедности. Должны были пройти многие десятилетия, прежде чем отец почувствовал, что стоит на твердой почве. Насколько я помню, моим родителям приходилось сражаться с тяжелыми финансовыми проблемами, которые омрачали всю мою юность.

Долгое время я не знал, кем хочу быть. Начал с изучения медицины, переключился на германистику и закончил политической экономией. Добился степени доктора на факультете философии. Никакая фея не пророчила у моей колыбели, что однажды я стану председателем Имперского банка.

В любом случае этого не могло случиться, поскольку в доме Шахтов не было такой вещи, как колыбель. Наоборот, когда акушерка приняла меня, шлепнула по заднице, обмыла и завернула в заранее приготовленные пеленки, я был помещен в «ослика», поставленного в спальне моих родителей. «Ослик» представлял собой деревянную раму на опорах с куском парусины, растянутой между двумя длинными перекладинами. Именно в такую шаткую штукювину меня положила акушерка из Тинглефа в Северном Шлезвиге 22 января 1877 года. Ночью был сильный снегопад, и отцу пришлось подняться на рассвете, чтобы расчистить дорожку в дом для нее и врача.

Отец женился пятью годами раньше. Брачная церемония проходила в Епископальной церкви в Нью-Йорке, на углу Мэдисон-стрит и Пятой авеню. Это был брак по любви. Родители впервые встретились в небольшом городке Тондерн. В то время он был студентом – не слишком обнадеживающий кандидат на женитьбу для представителей среднего класса. Но когда он сдал

экзамены, то взял быка за рога. Он сделал то, что делали многие немцы в то время: эмигрировал в Америку и получил 11 декабря 1872 года американское гражданство.

Однако отец не забыл девушку в Тондерне. Найдя работу в немецкой пивоварне в Нью-Йорке, он написал ей письмо с предложением приехать к нему.

Матери был двадцать один год, отцу исполнилось двадцать шесть лет, когда они поженились. Это был типичный брак представителей среднего класса, хотя и состоявшийся в несколько драматичных условиях.

Мать пересекла океан на пути в Нью-Йорк в одном из тех устаревших пароходов, которые еще можно увидеть на старинных гравюрах. У него в середине высится дымовая труба, впереди и позади – мачты, верхняя палуба завалена тюками товаров, ниже – обширная палуба третьего класса, на которой размещались несчастные путешественники, не имевшие достаточных средств для поездки в каюте.

В возрасте семидесяти четырех лет моя мать описала свою рискованную поездку. Ничто не отражает яснее огромные перемены, происшедшие в мире, чем сравнение между рейсами в Америку тогда и сейчас.

Мать, младшая дочь моих дедушки и бабушки, только что отметила свой двадцать первый день рождения, когда получила вызов в Америку. Ее собственная мать дала согласие на воссоединение с женихом только при условии ее сопровождения старшим братом. К счастью, у нее было несколько старших братьев. Ей добавили также верную служанку из земли Шлезвиг-Гольштейн. В дорожном сундуке с ее приданым и бельем было также муслиновое свадебное платье с настоящим кружевом. Кроме того, она взяла с собой небольшое миртовое дерево, с которого намеревалась собрать ветки для свадебного венка.

С такой экипировкой три пассажира, ищущих приключений, сели на пароход «Франклин» в Копенгагене. Судно принадлежало не так давно образовавшейся судоходной фирме в Штеттине, вознамерившейся учредить судоходную линию из Европы в Америку. Но еще в Копенгагене пароход задержался на две недели из-за шторма на Балтике. Когда спешно завершили погрузку провизии и угля, какой-то кочегар упал с борта в пространство между пароходом и пирсом. Спасти его было невозможно. Ко всему прочему, они вышли в море 13 октября. (Это первое из несчастливых чисел «тринадцать», которые позднее сыграли определенную роль в моей жизни.)

Шторм в проливе Ла-Манш вынудил капитана идти вокруг Северной Шотландии, где пароход попал в туман и оставался несколько дней в Атлантике, почти без движения, с жалобно гудевшим гудком. Мать и брат располагались в единственной каюте первого класса вместе с девятью другими пассажирами, включая учителя и жену торговца, с которой она подружилась. Кают второго и третьего классов на пароходе не было. Зато палубу третьего класса занимали три сотни пассажиров.

Во время всего путешествия миртовое деревце сохранялось в целостности и безопасности под открытым небом. Оно расцвело и благоухало в морском воздухе – добрый знак для счастливого окончания опасного путешествия.

Очень скоро пассажиры на борту парохода заметили, что груз уложен плохо. Корабль непомерно кренило и качало могучими волнами Северной Атлантики. На вторую неделю выяснилось, что на борт было взято недостаточное количество питьевой воды. По приказу капитана палубным пассажирам выдавали дистиллированную морскую воду вместо хотя бы малого количества свежей воды. Вероятно, из-за ненормальных санитарных условий на борту вспыхнула эпидемия холеры. Она распространялась с пугающей быстротой и унесла жизни тридцати пяти палубных пассажиров. По ночам обитатели каюты первого класса дрожали от ужаса, когда слышали, как сбрасывают в море тела покойников, завернутые в парусину. В это время мать пережила страшные душевные муки, поскольку ее служанка находилась среди палубных пассажиров.

Во время кульминации трагедии в каюту вошел помощник капитана и попросил оказать помощь шестилетнему мальчику, входившему в семью эмигрантов из Ютландии. Его отец, мать, три брата и сестры умерли от холеры, а одежду мальчика сожгли в целях предупреждения инфекции. Моя мать передала ему белье и шерстяные вещи из своего сундука с приданым. Женщины из каюты сшили для мальчугана новую одежду и взяли его в каюту, где его веселый нрав весьма забавлял ее обитателей.

Но бедствия на этом не закончились. «Франклин» «экономил» не только питьевую воду, заканчивалось также топливо. Возникла необходимость пустить на топливо деревянные сиденья на палубе. В последние недели перед прибытием в Новый Свет все пассажиры довольствовались стаканом воды в день. Когда наконец стали давать сбой двигатели и вышел из строя компас, гордое судно «Франклин» из Штеттина двинулось наугад в западном направлении, как это сделал старина Колумб, путившийся в плавание с целью открытия нового континента.

Так продолжалось до 2 декабря 1871 года, однако название порта, в который они вошли, было не Нью-Йорк Соединенных Штатов, но канадский Галифакс. Надежды пассажиров разбила портовые власти, не пожелавшие распространения холеры в Канаде. После этого был совершен мятежный акт. Когда к берегу отправилась лодка, чтобы запастись топливом и провизией, один из пассажиров перепрыгнул через борт, поплыл за лодкой и благополучно достиг берега, где рассказал репортерам обо всех подробностях кошмарного путешествия. В результате мой отец впервые узнал о суровых испытаниях своей невесты из прессы.

Но даже тогда, когда «Франклин» наконец подошел к Нью-Йорку, отправившись из Галифакса, отец не смог встретить мать. Наоборот, власти Нью-Йорка были так напуганы кораблем с холерой на борту, что пригрозили обстрелять его, если он не удалится как можно дальше, на рейде. Старый военный корабль «Хартфорд» принял пассажиров «Франклина» и содержал их в карантине в течение трех недель. Лишь благодаря добрым услугам портового врача, который отнесся сочувственно к пассажирам, они могли переписываться друг с другом.

Моей матери пришлось перебираться на борт «Хартфорда» через иллюминатор каюты. Во время некомфортабельного перемещения с одного судна на другое она крепко держалась за миртовое деревце, которое пострадало меньше всех во время морского путешествия. Она провела рождественский праздник вместе с братом и служанкой из Шлезвига вдали от отца, на рейде Нью-Йорка. За день до того, как они наконец освободились от весьма приятного в других обстоятельствах заключения на «Хартфорде», кто-то случайно оставил открытым бортовой иллюминатор, и миртовое деревце замерзло. В результате моей маме пришлось, как и всем американским невестам, надеть на брачную церемонию 14 января 1872 года флердоранж.

В Штатах мои родители оставались еще пять лет. Затем тоска по Германии настолько усилилась, что мой отец решил вернуться на родину. На его возвращение домой, видимо, повлияло несколько причин. Он оставил Германию незадолго до Франко-прусской войны. К тому времени, как к нему присоединилась мать, в Германии уже произошли большие перемены. Образовалась империя, а вместе с ней в последующий период происходил экономический рост. Зачем оставаться в Америке, когда родина предков вдруг предложила так много возможностей?

Идея возвращения не давала ему покоя. Она преследовала его, когда он сидел за столом, оценивая причитающиеся платежи, когда встречался с другими немецкими эмигрантами в клубе, когда ходил в немецкую церковь по воскресеньям. Пять нескончаемых лет. Осенью 1876 года он наконец решился. Бросил работу, подав заявление о своем увольнении, купил билеты на пароход и вернулся в Германию со своей семьей – теперь втроем: он сам, моя мама и старший брат Эдди.

Нет, он уехал не потому, что сомневался в возможности добиться успеха в Америке. Его явно влекла на родину ностальгия.

Во время обратного путешествия моя мама сообщила ему, что семья вскоре увеличится до четырех человек. На это он заметил, как делают все мужья в таких случаях: «Мы выдержим! Три или четыре – какая разница? Придумаем что-нибудь...»

Таким образом, я могу по праву считать себя отпрыском двух континентов, отделенных друг от друга акваторией океана в три тысячи миль.

Мое полное имя – мэр Тинглефа в Северном Шлезвиге покачал головой, когда вносил его в свою регистрационную книгу, – Яльмар Горас Грили Шахт.

Яльмаром я обязан своей бабушке Эггерс, которая уговорила отца в последнюю минуту присоединить его к имени «Горас Грили», так чтобы у меня имелось, по крайней мере, хоть одно приличное христианское имя!

Из-за этих трех имен меня поочередно принимали за американца и шведа. В Германии меня больше знают как Яльмара, английские друзья обычно называют меня Горасом. В период Сопrotивления в Берлине ближайшие друзья упоминали мое имя как Гораз. В 1920 году одна популярная газета выступила с претензией на лучшее знание моей генеалогии. Она заявила, что моим настоящим именем было не Яльмар Шахт, но Хаим Шехтель, что я являюсь евреем из Моравии, – ну что тут скажешь? Несмотря на мои иностранные христианские имена, я был и остаюсь немцем.

Расскажу, откуда мой отец взял эти три любопытных имени. Во время своего семилетнего пребывания в Штатах он не только был старшим клерком, бухгалтером и бизнесменом, но также питал острый интерес к общественной жизни Соединенных Штатов, которые в то время переживали последствия Гражданской войны. Он особенно почитал американца безупречных качеств, кандидата в президенты и друга Карла Шурца – Гораса Грили. Этот либеральный североамериканский политик, которому установлен памятник в Нью-Йорке, основал газету Tribune, позднее известную как нью-йоркская Herald Tribune. Отец, считавший Гораса Грили примером безупречной личности, решил, что следующий сын будет назван именем его кумира. Тот факт, что он уже не жил в Америке во время крещения своего сына, не беспокоил его ни в малейшей степени.

В возрасте семидесяти пяти лет я работал советником по финансовым вопросам в четырех странах Ближнего и Дальнего Востока (в Индонезии, Иране, Сирии и Египте). В этой связи американский еженедельник Time опубликовал статью, сравнивающую меня со старым провинциальным врачом, который предписывает пациентам хорошо проверенные, сильнодействующие средства – экономию и тщательное планирование. Подпись под фотографией, где я стою между генералом Нагибом и своей женой, гласила: «Ступай на Восток, старик».

Многие читатели, возможно, не совсем поняли двойной смысл этого напутствия, которое представляет собой игру слов. Семьдесят лет назад один американский политик призывал молодых людей, мающихся без дела в восточных портах Нью-Йорк и Бостон, отправиться на запад Америки, на необозримые территории, открывающие огромные возможности для смелых первопроходцев. Его лозунг, получивший широкую известность, гласил: «Ступай на Запад, молодой человек». Этого политика звали Горас Грили.

Не знаю, сколько раз встречался с этим великим политиком мой отец. Не знаю также, почему он не последовал его совету и не отправился на американский Запад вместо возвращения на родину. Определенно это не имело отношения к нехватке отваги. Скорее всего, он просто ощущал себя немцем и считал, что изменившиеся условия Германии предоставляли большие возможности, что его детей следует воспитывать в Германии.

Итак, мы вернулись. Вероятно, моя мама тоже томилась ностальгией. Когда позднее она вспоминала об этих пяти годах, то всегда добавляла, что американский климат ей не подходил. Северяне плохо переносят лето в Нью-Йорке.

Дети редко интересуются мотивами, которые побуждают их родителей совершать те или иные действия.

Когда я прочел эти слова в Time, то вдруг заинтересовался, что бы со мной стало, если бы в зиму перед моим рождением отец выбрал направление на Запад, а не на Восток? Занимался бы я банковской деятельностью? Или получил бы воспитание на какой-нибудь ферме Среднего Запада и пошел по стопам бесчисленных немецких колонистов, которые обосновались в Новом Свете как земледельцы?

Возможно, читатель громко рассмеется при мысли о том, что председатель Имперского банка мог стать фермером в Мичигане! Эта мысль, однако, отнюдь не беспочвенна. Все мои предки по отцовской линии, вплоть до последних поколений, были крестьянами. Я происхожу из крестьянской семьи района Дитмаршен земли Шлезвиг-Гольштейн.

Крестьяне Дитмаршена не совсем крестьяне. Вот что говорится в старинной хронике: «Житель Дитмаршена полагает, что он крестьянин! Он больше походит на местного помещика!»

Семья Шахтов первоначально жила в старой провинции напротив ганзейского города Гамбург. Следовательно, вначале мы обитали на левом берегу Эльбы. Затем переправились через реку и двинулись на север во Фрисландию.

Один из моих предков имел от четырех жен двадцать четыре ребенка и умер в возрасте ста двадцати четырех лет. Члены семьи отличались силой, упорством и любовью к земле...

Время от времени я достаю из своей библиотеки старую объемистую книгу, содержащую описание жизни этих крестьян, хронику постоянной борьбы человека с океаном. Обитателей Нижних болот прозвали крестьянами-«лопатниками». Они постоянно воздвигали дамбы своими длинными лопатами (специально приспособленными для работы в вязкой глине), чтобы предотвратить нашествия на их поля ненасытного бога Нептуна. Их существование отнюдь не всегда было безмятежным. Случалось, одно поколение могло собирать без помех урожай с того, что посеяло. Однако следующее поколение непременно сталкивалось с весенним наводнением или прорывом дамбы. Мыши прогрызали стены. Изменения фаз Луны и западные штормы поднимали уровень Северного моря выше отметки уровня полной воды. Вот отрывок из хроники: «Фермер с семьей спасались на крыше неделю. Две женщины, двое ребят и семнадцать голов скота утонули». Продолжалась бесконечная борьба, которая породила неразговорчивых, осторожных и суровых людей. Если им не было суждено утонуть, то они доживали до глубокой старости.

– Чего ты хочешь? – спрашивал я себя в прежние годы. – Не думаешь ли ты, что твоим предкам жилось легче? Как часто, должно быть, случалось, что семидесятилетнему земляку приходилось переносить бедствия и видеть, как тонут его дети и внуки, а поля превращаются в грязную, заиленную, бесполезную землю. Он никогда не сдавался, но преодолевал горе и начинал все сначала.

И еще одна особенность поражает меня в этом наследии: в домах северян невозможно обнаружить внешних признаков сентиментальности. Постоянная борьба с болотами требовала от их обитателей высочайшего самоконтроля. Среди них редко выражение эмоций, чувства скорее скрываются, чем проявляются. Но сокрытие чувств вовсе не означает их отсутствие.

Те, кто был поверхностно знаком со мной, как правило, характеризовали меня как упрямого и черствого человека. Они просто не могут вообразить, что такой внешне замкнутый человек, как я, может иметь такую вещь, как сердце. Я сожалею, что произвожу такое впечатление, но измениться не могу. Человек не только то, что он собой представляет, – он несет в себе невидимое наследие длинного ряда предков.

Первым нарушил традицию сельскохозяйственного труда и многочисленной семьи мой прадед. Не знаю, почему он покинул дом: во всяком случае, прадед отправился в Бюсум и открыл мелочную лавку. Он стал *коупманом* (мелким лавочником), как их называют в наших местах.

Бюсум лежит на равнине. Морское побережье окутывает туман. Над песчаным побережьем голоса чайки. Здешние жители – фермеры, сеющие пшеницу, угольщики, скотоводы. Крестьяне Дитмаршена, возможно, медлительны, но сообразительны, находчивы и полны здравого смысла. Они не позволяют перехитрить себя.

Мой прадед вел дело так успешно, что смог послать своего единственного сына, моего деда, учиться в колледж. Дед был самым старым из Шахтов, которых я видел лично. Он был приходским врачом во Фридрихштадте. Дед был подлинным выходцем из крестьянства Дитмаршена – голубоглазый, с густыми бровями и округлой бородкой. Отличался высоким ростом, широкими плечами и уверенностью в себе. О нем ходило в округе много занимательных историй.

Каждый, кто интересовался историей Английской революции во время Кромвеля, знает, что означает понятие «нонконформист». Конформисты – люди, которые соглашаются следовать современной тенденции. Нонконформисты представляют собой полную противоположность этим людям. Они нетерпимы к власти, навязанной извне. Они признают политику, поставленную на службу не корыстных, но гражданских целей.

Все истории о моем деде Шахте связаны с его нонконформистским характером. Он изучал медицину сначала в Копенгагене, затем в Киле. Это происходило в бурные 1830-е годы, и вполне естественно, что мой дед принимал участие в студенческих политических акциях. Ему пришлось бежать из Кили, и он получил степень доктора медицины в Ростокке.

В 1850 году, когда он уже прочно утвердился на поприще практикующего врача в Зюдерштапеле, этот город стал объектом военных споров между Шлезвиг-Гольштейном и Данией. Зюдерштапель неоднократно переходил из рук в руки, и каждый раз муниципальным властям приходилось представляться в ратуше и давать клятву верности новому правителю. Дед делал это дважды. Затем он потерял терпение. В третий раз, когда прибыл посыльный, чтобы отвести его в ратушу, он обнаружил деда стоявшим перед дверью с заряженным револьвером.

Посыльный отбарабанил вызов на местном диалекте:

– Теперь, доктор, вам следует идти в ратушу и присягнуть.

Мой дед оглядел любовно свой револьвер и ответил густым басом:

– Я сыт по горло хождениями туда. Если кто-нибудь еще вступит за дверь моего дома, то получит пулю в лоб!

Посыльный запомнил эти слова, вернулся в ратушу и пересказал все, что слышал. Мэр почесал голову и освободил доктора от дальнейших церемоний присяги.

Дед не менялся до конца своих дней. Менее способный бизнесмен, чем его отец, он тем не менее сумел завоевать уважение и любовь своих ближних. Но он всегда нуждался в деньгах, за что должен винить только себя. Если пациент не настаивал на более щедрой оплате, дед посылал ему счет, в котором каждый рецепт имел одинаковую стоимость десять грошей. Я лично видел такой странный счет в 1892 году, когда навещал деда во время эпидемии холеры в Гамбурге. Мы ходили в дом зажиточного торговца, страдавшего от ревматизма. Дед осмотрел его, порекомендовал линимент, горячие компрессы и выписал рецепт на обезболивающие таблетки.

– Сколько это стоит, доктор? – спросил пациент перед нашим уходом.

– Десять грошей, – ответил дед.

– Но ведь этот тип купается в деньгах, – посетовал я ему позднее, – тебе нужно установить настоящую цену.

Дед шагал рядом, осанистый, с трубкой в зубах.

– Ты не понимаешь, – сказал он. – Врачевание не просто бизнес.

Однако «10-грошовая политика» была тем более сомнительной, что он лечил бедных пациентов без взимания даже этих денег. Поэтому дед так и не разбогател и содержал семью в весьма скромном достатке. А семья была никак не маленькой – два ребенка от первого брака

и девять от второго. Но врач следовал притче о полевых лилиях. Они ведь вырастают как-то. И дети как-то выросли. Неизвестно, кем стали дети от первого брака. Из восьми же сыновей от его второй женитьбы на дочери священника пять эмигрировали в Америку и неплохо там устроились.

Главным подарком деда сыновьям стали звучные и разнообразные христианские имена, которыми он их наделил, не посоветовавшись с женой. Данное моему отцу имя при крещении дает хорошее представление об этой процедуре.

– Как назвать ребенка, доктор? – спросил деда священник Зюдерштапеля, когда они стояли у купели, в то время как моя бабушка сгорала от любопытства.

Дед прочистил горло и стал перечислять:

– Вильгельм, Людвиг, Леонард, Максимилиан...

– Ты закончил? – прервала его бабушка.

Дед, которому помешали, замолчал в обиде, и моему отцу были оставлены на выбор четыре имени.

Бабушка никогда в жизни не называла своего мужа по его христианскому имени. Просто звала его Шахт. Обычно так обращаются жены к своим мужьям. Она была добросердечной, непритязательной женщиной с уровнем образования, который в то время обнаруживался почти исключительно среди пасторских дочерей.

Я уже упоминал, что обязан своим именем Яльмар вмешательству бабушки Эггерс. Выбор ею имени не был случайным. Одним из ее сыновей был Яльмар, барон фон Эггерс.

Девичье имя моей матери было Констанца Юстина София, баронесса фон Эггерс. Она родилась 6 июня 1851 года в Дирхавегаарде близ Колдинга. Ее брак с моим отцом обеспечил семье Шахтов новое родство.

Эггерсы вели происхождение из старинного рода в Гамбурге. О них было написано четыре увесистых тома, у меня же мало желания воспроизводить бесконечные родословные деревья семьи.

Ганс Эггерс мое имя,
Советник Гамбурга, известный своей доблестью.
На моем щите белые розы,
На моих доспехах не может быть ни единого пятнышка.

Такова надпись на старогерманском языке под портретом знаменитого предка матери. На картине он изображен в кольчуге и шлеме, тунике с поясом из драгоценных камней, двуручным мечом, копьем с вымпелом и заостренным книзу щитом с теми самыми белыми розами.

Потомки Ганса Эггерса постоянно упоминаются в истории этого ганзейского города. Среди них советники, старейшины, купцы. Один из них умер во время эпидемии чумы 1695 года, другие подались на восток. В девятом поколении Хеннинг, священник в Зюдерау, дал начало семейной ветви в Шлезвиг-Гольштейне, из которой происходит моя мать.

Эти Эггерсы из Шлезвиг-Гольштейна наиболее преуспели, поскольку их возвысили сначала до обычных дворян, а затем до потомственных пэров. Однако другие ветви не оставались в долгу. Едва ли найдутся профессии и службы, от церковного советника до живописца и генерал-майора, в которых не отличились бы один или несколько родственников Эггерсов. Благодаря брачным связям семья также оставила след в физике в лице Эрстеда, в изящных искусствах – в лице Шарлотты Буфф (бессмертной Лотты в «Страданиях юного Вертера» Гете), которая, как известно, вышла замуж за Кестнера. Ее внучка вышла замуж за Эггерса в середине XIX века.

При жизни моей матери семья Эггерсов уже прошла зенит своей славы, воплощением которого стал Христиан Ульрих Детлев, потомственный барон фон Эггерс, доктор права, советник датского короля, генерал-губернатор Киля, военачальник ордена Даннброг и т. д. Но и у него следы физического вырождения были уже налицо. До пятилетнего возраста он не выучился ходить. Был одарен с детства, молчалив, задумчив, с жадной жаждой знаний и страстью к учению и одновременно с непреодолимой тягой к военной профессии. Как не провести параллель в данном случае между этим человеком и такими историческими фигурами, как молодой Блез Паскаль или принц Евгений, которому французы отказали в военной карьере только потому, что он был слишком утонченным, и который поэтому перешел на службу к австрийцам!

Христиан фон Эггерс блистал в свое время, мировой гений, который встречался со всеми знаменитостями эпохи. Он неустанно путешествовал по всей Германии, представлял страну в зарубежных монарших дворах. И вот замечательный пример для всех тех, кто верит в историческую преемственность, – в своей родной Дании он осуществил финансовую и денежную реформу. Что и говорить, финансовая стабилизация в семейной крови.

Вместе с графом Андреасом Бернсторфом он добивался освобождения крестьян от крепостной зависимости. Несмотря на астму, головные боли и бессонницу, выработал рабочий график и неукоснительно его придерживался. Через ночь он работал ночь напролет за своим письменным столом. Лечил головные боли кровопусканием. Человек железной воли, он компенсировал недостаток физической силы неукротимой энергией. Умер за рабочим столом, занятый написанием очередного труда, в 1813 году. Дания ему многим обязана.

Он был моим прадедом, та же степень родства связывала меня с лавочником Бюсума по отцовской линии. Иногда я гадаю, что бы случилось, если бы эти два господина когда-либо встретились. Вполне можно вообразить, как мой прадед, потомственный барон, проезжает по Бюсуму в карете, которая теряет колесо как раз перед местной лавкой. Желая утолить жажду, он заходит к лавочнику Шахту, который стоит в дверях, в рубашке с длинными рукавами и фартуком, завязанным на поясе.

– Добрый день, приятель, – приветствует будущий прадед Христиан фон Эггерс прадеда Шахта. – У тебя милая лавка.

Прадед Шахт снимает свою небольшую черную шапочку и отвечает:

– Чего изволите купить?

– А что у тебя есть?

– Коробка сигар «Вирджиния», – отвечает Шахт.

– Я не курю, – замечает барон.

– Очень жаль, – огорчается торговец.

Затем они стоят и смотрят друг на друга. Потомственный барон и мелкий лавочник из Бюсума. Один вершит политику Европы, изменяет законы, правовую систему, положение крестьян, финансы. Другой заботится о том, чтобы жители Дитмаршена не испытывали недостатка в соли и табаке. На самом деле оба господина не так далеки друг от друга. Разница между ними лишь в образе жизни. Один беспокойный, его влекут повсюду многочисленные обязанности, амбиции, жажда знания. Другой спокоен – его единственная забота состоит в том, станет ли его сын первоклассным врачом. Один стоит на горной вершине, где ветер обжигает и истощает силы. Другой живет в долине, довольный своей судьбой, озабоченный будущим сына. Станут ли общаться представители низкого и благородного сословия... Нет, такая встреча маловероятна.

Как бы посмеялся мой прадед из Бюсума, если бы кто-то сказал ему:

– Твой внук будет ухаживать однажды за внучкой этого человека!

– Ха-ха-ха, – ответил бы он громовым смехом. – Неплохо! Повтори это еще.

Сын Христиана фон Эггера, мой дед, шеф полиции в Шлезвиге, оставил девятерых детей без обеспечения. Пропал могучий импульс, который руководил семьей. Все потомственные бароны фон Эггерсы нашли свои ниши, но они больше не определяли политику Европы. А младшая дочь Констанца последовала за молодым учителем в Америку и там вышла за него замуж.

Глава 2

Три города, начинающиеся с буквы «Х»

Тинглеф, где я родился, является большим селом к востоку от Тондерна, расположенного в районе смешанного немецко-датского населения. Когда я побывал там в 1920 году в связи с плебисцитом, оказалось, что Тинглеф – самый северный населенный пункт с большинством немецких жителей. После того как мы проиграли Первую мировую войну, союзники передали эту территорию за так называемой «линией Клаузена» Дании. Таким образом, сегодня мое родное село принадлежит Дании.

Мой отец учился в частной школе Тинглефа. Дом, в котором мы жили, стоит до сих пор. Неприметный дом среди точно таких же домов.

На следующий год мы оставили селение и отправились на юг, в город Хайде в Дитмаршене, таким образом вернувшись к своим истокам, ибо Шахты были дитмаршенцами и в течение всех Средних веков Хайде был в фокусе дебатов о крестьянской республике. Отец протиснулся с профессией учителя и стал редактором газеты Heide News. Кроме того, поскольку работа журналиста не приносила достаточного дохода, он служил бухгалтером у герра Видаля, богатого торговца тканями, который владел также Heide News. И наконец, он с явной неохотой определил мою маму на работу в галантерейный магазин, где она продавала разнообразные товары – кружева, ленты, нитки. Верно, это дело не было престижным, но оно приносило доход, и мама занималась им, чтобы помочь отцу.

Это были неблагоприятные годы. И в отличие от библейского временного отрезка, наш продолжался более семи лет и заставил нас со временем поменять три города, начинавшихся с буквы «Х», – Хайде (Heide), Хузум (Husum) и Гамбург (Hamburg в традиционном переводе на русский звучит как Гамбург. – *Пер.*).

Газета Heide News имела либеральное направление и отличалась большой оригинальностью. Трудно описать деятельность такой газеты в 80-х годах XIX столетия. Современные провинциальные газеты получают почти весь свой материал, за исключением местных новостей, в готовом виде для печати и часто в матрице от агентств и газетных концернов, готовящих передовицы и основные статьи. Они не выражают независимого мнения. И в Heide News много места отводилось городским новостям – церковным службам, ситуации на рынке, сообщениям об уровне воды и несчастных случаях, праздниках, а также некрологам. Но рядом с этими новостями публиковалось много совершенно независимых мнений о политике в целом, культуре, литературная критика. Все это выходило из-под пера редактора. Избитые, массовые идеи еще не могли задушить личную точку зрения.

Ни в какой другой период своей жизни отцу не выпадал такой же благоприятный шанс продемонстрировать свою находчивость, остроумие и знание жизни разных стран. Он обладал разносторонними способностями и имел лишь тот недостаток, что сторонился общества. Из-за склонности к уединению, возможно некоторой стеснительности, он, видимо, не вписывался в ту социальную среду, к которой привыкла моя мама. С другой стороны, в Хайде, в привычном окружении, среди людей, его понимающих, он чувствовал себя как дома.

Тупость местных обывателей, должно быть, нередко действовала отцу на нервы. Его комментарии о встречах городских чиновников часто носили едкий и саркастический характер. Итак, Heide News занимала свою независимую позицию (то есть позицию моего отца), и общественность это удовлетворяло. В конце концов, мы жили в Шлезвиг-Гольштейне, немецкой провинции, которая находилась в постоянном брожении из-за датского национализма. Кроме того, «либералы» составляли большинство. На территории, где жизнь людей зависит от кормления и разведения скота, а также торговли им, почти каждый человек целиком настроен против бюрократии и за свободную экономику.

В откликах на журналистскую деятельность моего отца недостатка не было. Ему писали районные советники, представители духовенства и литераторы. Это влекло за собой объемную переписку.

Поскольку мне было всего пять лет, когда мы покинули Хайде, мои воспоминания об этом периоде, естественно, несколько туманны. Смутно помню дом, где мы жили, – темный коридор, ведущий к черному ходу. Раз, пройдя через заднюю дверь, мы оказались в мамином саду, где всегда росли цветы, овощи и прочее. Бывало, я играл с кудрявыми сыновьями герра Видаля, пока не утомлялся, а потом бежал в галантерейный магазин к маме. Она показывала мне некоторые из своих драгоценностей, позволяла рыться в своей шкатулке и «помогать» на кухне.

Один случай в Хайде надолго остался в моей памяти. Мне было почти пять лет. В конце нашего длинного огорода стояло небольшое деревянное строение, возможно бывшая конюшня. Теперь, однако, там жила старая бездетная вдова, влача в качестве поденщицы жалкое существование, хуже нашего. Я боялся этой женщины, поскольку она по внешнему виду походила на ведьму, изображение которой я видел в книжке сказок. Но как-то раз меня разоблало любопытство. Случилось так, что однажды я увидел, как она ест толстый кусок ржаного черного хлеба. Я обратил внимание на то, что лишь небольшой уголок хлеба был намазан маслом.

– Вы едите хлеб без масла, – сказал я.

– Да, дитяtko, – ответила старуха. – У меня нет денег, чтобы купить масла на весь кусок. Но, гляди, я намазала масло на уголок и теперь ем хлеб с другой стороны. Каждый раз, откусывая хлеб, я жду, когда дойду до этого уголка с маслом. Этот последний кусочек будет так вкусен.

Через несколько дней отец рассказал историю, очень похожую на случай со старухой. Чтобы вникнуть в ситуацию, нужно понять, что Хайде считался знаменитым рынком скота, самым большим во всей провинции. Небольшая церквушка, расположенная на краю рынка, на самом деле казалась заброшенной.

Весной крестьяне Дитмаршена покупали молодой тощий скот с бедных растительностью пастбищных земель. Этот скот набирал нужный вес на обильных лугах болотистого края и осенью был готов для забоя и продажи на рынке. В рыночные дни в Хайде было столпотворение людей и коров. Торговые агенты, оптовые закупщики-мясники из Гамбурга и соседних крупных городов съезжались в гостиницы, осматривали скот в загонах и заключали с фермерами сделки. В мастерстве торговаться и считать фермеры показывали себя не меньшими знатоками, чем в умении вести свое хозяйство.

После завершения сделок все устремлялись по вечерам в трактир, где от души веселились, обсуждая перипетии и события прошедшего дня. Разумеется, отец должен был отражать это в газете. Как-то раз он пришел вечером домой и рассказал о веселой пирушке фермеров и скототорговцев.

– Их карманы оттопыривались от денег. Они звенели монетами, когда пили и хвастались. И что, ты думаешь, они пили? – обратился он с вопросом к жене.

– Пиво или грог, – сказала мать.

– Ничего подобного. Этих господ устроило одно лишь шампанское.

Но не просто шампанское вызвало его негодование. Один из скототорговцев, а может, и фермер – нахальный, самодовольный парень – решил, очевидно, что не сможет лихо потратить свои деньги на одну выпивку. Опьяневший до крайней степени, но все еще желавший избавиться от наличности, он послал за батареей бутылок с шампанским. Затем он поднял свою увесистую палку и одним ударом снес горлышки всех бутылок.

Мама покачала головой в знак неодобрения. Затем она уложила нас спать. Взяла небольшой стакан с водой, в которую налила несколько капель масла. Накрыла стакан сверху пробкой

с фитилем и зажгла фитиль. Это был наш ночной светильник, который горел до утра. Когда бы мы ни просыпались среди ночи, крохотное пламя всегда отбрасывало таинственный голубоватый свет на белые стены нашей спальни.

Отец, несомненно, улучшил свое положение, когда принял предложение Видаля редактировать Heide News. К сожалению, этим улучшение началось и закончилось. Он напряженно работал в газете, внося в нее живость, юмор, интеллект и сарказм. Но ни объем рекламы, ни тираж не показывали признаков роста. Когда через четыре года он понял, что рассчитывать на изменение к лучшему не приходится, то стал подыскивать себе новую работу. Нашел он ее в Хузуме у еврея по имени Голд, который нуждался в менеджере для своего мыльного завода.

Так мы переехали в Хузум – «серый город у моря», как охарактеризовал его поэт Теодор Шторм. Поэт жил в этом городе, занимая в течение нескольких десятилетий должность окружного судьи, и ушел на пенсию несколькими годами раньше. Это был величественный старец с убеленными висками, которого любили и которым восхищались во всей Германии за прелестные поэмы и тонкую, выразительную прозу.

Хузум и Шторм образовали неразрывную связь в моем сознании по многим причинам. Оба они меланхоличны, таинственны и отчасти консервативны.

Держась за мамину руку, я ходил по мостовым, гладко отполированным морозящим дождем, и с восхищением оглядывал дома с острыми крышами, возвышающиеся ступенями по обеим сторонам улиц. Особенно зачаровывала меня маленькая резная башня на ратуше.

Однажды мать привела меня в начальную школу Хузума, где я учился целый год. Я был здоровым пятилетним ребенком. Не было никаких причин медлить с изучением азбуки. Потому я каждый день надевал шапку и шел в школу с ранцем. Вместе со школьными приятелями играл у порта и зачарованно смотрел на корабли, прибывавшие из неведомых стран.

Между тем отец облачился в голубой фартук производителя мыла и занялся администрированием. Всякий раз, когда мама водила нас, детей, повидаться с ним на мыльном заводе, она возвращалась домой немного подавленной. В рабочих помещениях пахло прогорклым жиром, там было холодно и оставалась слизь от мыла. Жир в бочках вызывал отвращение, огромные емкости с едкими растворами, полопавшиеся мешки с каустической содой, чаны, в которых кипели мыльные массы вместе с глицерином, – все это выглядело чужим, необычным, опасным и несколько угнетающим. Даже склянки с духами, которые добавлялись в мыльную массу, когда процесс завершался, не могли примирить маму с мыльным заводом. Она не любила работу отца, поскольку видела, что он ее не любит.

Отец чувствовал что угодно, только не радость от работы. Долгое время он не понимал, что человек, способный написать первоклассную политическую статью, может быть никудышным производителем мыла и что одна работа ни в коей мере не является такой же, как другая. Он не понимал, что занимаемая должность хотя и по силам ему, но совершенно не отвечает его наклонностям.

Имеются разные суждения о том, что происходило в период 1882–1883 годов, но, как бы то ни было, мыльный завод обанкротился. Нанимал ли Голд моего отца только для того, чтобы иметь под рукой козла отпущения? Был ли отец виновен в плохом сбыте мыла, производимого в Хузуме? Разорилась ли фирма сама по себе, без содействия отца? Не знаю.

Мне известно только то, что в один из дней двери этого мерзкого предприятия закрылись навсегда и нам снова пришлось срываться с насиженного места. В этот раз мы отправились в ганзейский город Гамбург.

Мы въехали в Гамбург – в город, где мои предки (но не предки моего отца) занимали высокое положение, – так сказать, с черного хода. В то время мне было всего шесть лет.

Гамбург всегда был крепким орешком. Его жители знают цену деньгам. Там соседствуют миллионеры и голодный люд. В Гамбурге социальные различия были глубже, чем в других

немецких городах. Судовладельцы, мелкие торговцы, главы крупных контор старого образца составляли богатые слои. Докеры, портовые грузчики, канатные мастера, поденщики, подсобные и временные рабочие входили в разряд бедных.

Мы прибыли в Гамбург без гроша, оставив позади, в Хузуме, мыльное дело. Перспективы для отца не были радужными. Он странствовал по миру тринадцать лет и уже десять лет был женат. Мой брат Олаф начал ходить, Эдди должен был пойти в среднюю школу. В 1883 году мы прибыли в Гамбург в тревожное время для нашей маленькой семьи.

Маме пришлось мобилизовать всю свою отвагу и веру, чтобы выдержать неудачи и неприятности первых лет проживания в Гамбурге и, кроме того, поддерживать морально своего мужа.

Отец крайне нуждался в такой поддержке. В молодые годы он был неутомимым странником, не способным долго оставаться на одном месте. Его прадед все еще принадлежал к фермерскому сообществу. Его дед вложил долю наследства, переданную ему братьями, в универсальный магазин, где эта доля возросла. В определенной степени дед моего отца обосновался прочно. Он смог найти достойное применение своим способностям, и, поскольку у него был лишь один сын, он отправил его в самостоятельную жизнь вполне обеспеченным. Мой дед учился в колледже, набирался опыта и тратил деньги, оставленные отцом, лавочником Бюсума, не задаваясь вопросом, откуда он их получил. Не утруждал он себя особенно и обеспечением своих сыновей. Им пришлось начинать с нуля, но в этот раз без связей среди фермеров и надежного бизнеса.

Положение моего отца и семи его братьев было, следовательно, в тысячу раз труднее, особенно когда понимаешь, что они вышли из образованной семьи. Их отец был врачом, мать – дочерью священника. Они переросли крестьянство, но у них не было связей среди образованных людей, которые могли бы помочь. Все это во многом объясняет неутомимость, которая выработалась в отце привычку странствовать.

Я кое-что унаследовал от этой неутомимости. У меня тоже достаточное количество подвижности в крови, как и у Эдди, который объехал половину мира и долгое время работал врачом в Асуане, в Верхнем Египте. Но мы также обязаны отцу тем, что эта неутомимость, вместо создания препятствий, напротив, способствовала нашей карьере. Отец заложил основы новой семьи Шахт. Он преодолевал большие препятствия на жизненном пути, и никто, кроме мамы, не давал ему советов и не оказывал помощи.

Первое время пребывания в Гамбурге мы жили в задней части одного дома, расположенного на окраине. Окна выходили на площадь. Когда не учились, мы играли в заасфальтированном заднем дворе дома. Первое время соседские дети смотрели на нас косо. Мы все испытывали в полной мере – насмешки, вызовы на драку и, наконец, синяки. В заключение произошла славная потасовка. Когда мы наконец вошли в состав компании, сложившейся в этом квартале, то смогли выбираться для игр на улицу в районе Хайлигенгайстфельд или играли во дворе.

В то время автомобили еще не превратили улицы в смертельные ловушки. Только отзывался эхом цокот копыт по мостовой, когда проезжала подвода пивовара, которую тащили могучие лошади с укороченными хвостами и небольшими наушниками. Или порой ехал омнибус, предшественник работающего на электричестве трамвая, которого тогда еще не было. Он представлял собой автобус на конной тяге и пяти колесах. Четыре из них катились по земле, в то время как пятое колесо двигалось по рельсу и сообщало неуклюжему сооружению устойчивое направление движения. Иногда мы, мальчишки, клали на рельс тяжелый камень. Тогда омнибусу приходилось останавливаться, водитель поднимал колесо домкратом высоко над землей, переезжал камень и снова опускал колесо.

Таковы были добродушные шалости тех дней. Надо сказать, что водитель не выглядел столь добродушным. Он ругал безвестных хулиганов, которые сыграли с ним такую подлую шутку.

Однажды отец вернулся из города в приподнятом настроении. После многих безуспешных попыток он нашел наконец работу бухгалтера в крупной компании по импорту кофе Schmidt-Pauli.

Между тем Эдди выдержал вступительные экзамены и поступил в первый класс знаменитой гамбургской классической гимназии Йоханнеум. Должно быть, отцу доставляло большое удовлетворение то, что его старший сын смог посещать это блестящее заведение. Остается тайной, как он умудрялся ежемесячно вносить плату за учебу сына в школе. Но он умудрялся, и каждое утро Эдди уходил из дома за пятнадцать минут до начала занятий и проходил пол-Гамбурга, чтобы приобрести новые знания.

Вечером отец полностью посвящал себя нам. Он рассказывал о технических изобретениях, великих ученых, истории, коммерции и мировой экономике. Отец говорил, например:

– Появились поезда с небольшими зубчатыми колесами. Зубчатое колесо катится по третьему рельсу между двумя другими. Для чего ты думаешь, мать, это делают?

Мама пожимает плечами.

– Может, для того, чтобы колеса лучше тормозили, – отвечает она. – Поезда мчатся так быстро!

– Вздор! – восклицает отец. – Это делается для того, чтобы поезда поднимались в гору.

– Зачем поездам подниматься в гору? – интересуется Эдди.

– Они хотят ездить везде, – объясняет отец. – Техническая мысль не останавливается ни перед чем, стремится распространиться повсюду. Такова человеческая природа. Когда-нибудь мы сможем даже летать.

– Летать! – восклицали мы.

– Люди уже летают на воздушных шарах, – продолжал отец. – Они делают огромную оболочку, заполняемую водородом, который легче воздуха. Таким способом человек может подняться прямо к облакам. Если к этому приспособить мотор с управляющим рычагом, то можно лететь куда угодно...

Однако полосы неудач для отца не кончились. Да, он получал приемлемую зарплату в компании Schmidt-Pauli, но это зависело от успеха дела. К несчастью, его-то как раз и не доставало.

В 1885 или 1886 году в Гамбурге завершилась сенсационным провалом крупномасштабная игра на поставках кофе.

Потребление этого популярного напитка устойчиво росло с войны 1870 года, и фирма Schmidt-Pauli стала играть на рынке на повышение цен. Но тенденция на повышение не удержалась, и компания оказалась неспособной выполнить свои обязательства. Она была вынуждена уволить почти весь свой персонал, включая моего отца.

Нам снова пришлось затянуть пояса. Месяцами отец ходил то в одну фирму, то в другую в поисках подходящей работы. Он перебивался случайными заработками, но они составляли лишь капли в море. Наш доход никак нельзя было назвать достаточным. Мы жили буквально впроголодь.

Хорошо помню свой восьмой день рождения в этот период. В доме поддерживался обычай дарить ребенку на день рождения столько апельсинов, сколько ему лет. Однако этот год, должно быть, оказался для нас особенно трудным, во всяком случае, наутро своего дня рождения я получил только два апельсина и монету достоинством в пятьдесят пфеннигов.

– Сбегай купи уголь по пять пфеннигов, – сказала мама и положила деньги на стол.

Молча я взял ведро и монеты, потащился к продавцу угля, который обосновался в подвале. В сумрачном помещении он разговаривал с двумя женщинами. На перевернутом вверх дном ящике горела свеча. У стены были свалены связки дров, а в задней части подвала помещался угольный склад.

– Привет, снова пришел за углем? – спросил торговец, прервав свой разговор. Текущие капли пота оставили широкие полосы на его черном лице. На голове он носил мешок, вроде капюшона.

– По пять пфеннигов, – сказал я.

Он убрал в карман мелочь, которой хватило бы на два стакана вина, и наполнил ведро колотым углем.

– Кто это? – спросила одна из женщин, когда я уходил.

– Один из детей Шахта. Его отец работал в Schmidt-Pauli. Они закупили так много кофе, что не могут от него избавиться.

Да, это были трудные времена.

Однажды вечером отец вернулся после продолжительных блужданий по Гамбургу в приподнятом настроении. Он ворвался в гостиную, швырнул пальто на кресло, схватил в охапку маму и поцеловал ее. Это само по себе было редким случаем в нашей несколько сдержанной семье, где обычно не целовались.

– Мать, – сказал он с явным воодушевлением, – я кое-что нашел!

Мама прижала руки к груди и воскликнула:

– Что ты нашел?

– Должность, где найду применение своему американскому опыту. Должность с невысокой оплатой, но хорошими перспективами.

– Как называется фирма?

– Буду работать бухгалтером в страховой компании American Equitable Life Insurance, – ответил отец.

Equitable Life Insurance, или просто компания Life Insurance, – кто как ее называет. С этого вечера название предприятия ласкало мне слух. Потому что в этой компании мой отец обрел то, что искал и к чему стремился во время своих безнадежных хождений по Гамбургу, стучась то в одну, то в другую дверь и получая отказ. Именно в этой компании он нашел должность на всю жизнь, нашел свою нишу.

Он поступил на службу в компанию, где с ним достойно обращались, согласно обещанию, выраженному в названии фирмы (equitable значит «справедливый». – *Пер.*). Он работал здесь тридцать лет, продвигаясь шаг за шагом по карьерной лестнице и зарабатывая больше денег, пока в преклонном возрасте не стал генеральным секретарем берлинского офиса компании... Примерно в это время он построил небольшой дом в Шлахтензее, и разве не естественно, что его называли «вилла Эквитэбл»?

Конечно, сообщение отца не потрясло основы мира. Но я был достаточно проницательным, чтобы понять, что оно значило для семьи.

Эдди смог продолжать учебу в Йоханнеуме, и там, конечно, нашлось бы место для меня. Теперь семья была надежно обеспечена, мы могли рассчитывать на ежемесячную зарплату. Можно было даже позволить себе копить деньги. Великолепное сообщение!

19 августа 1887 года умерла в гамбургском доме моих родителей бабушка Эггерс. Я отчетливо помню траурную церемонию, катафалк в зале прощания, темный гроб, родственников, которые пришли отдать последний долг своей матери.

Бабушка родилась в Итцехо, к северу от Гамбурга. Ее отец был обычным зажиточным торговцем из среднего класса, его звали Эверс. Она встретила с Фридрихом фон Эггерсом в доме родителей. Единственный сын знаменитого Христиана Ульриха Детлева, он был ей хорошей парой. В годы совместной жизни с ним она родила девять выживших детей, среди них – шесть сыновей. Но когда бабушке перевалило за семьдесят, она стала жить не у богатых сыновей, а у младшей дочери Констанцы, хотя та была явно менее обеспечена и в ее доме было меньше удобств для старушки, чем в любом доме братьев и сестер дочери. Полагаю, что

Констанца была любимицей матери. Возможно также, что моя бабушка стремилась вернуться в привычную мелкобуржуазную среду, из которой вышла. Каковы бы ни были мотивы, она однажды явилась к нам в Гамбурге, когда мне было девять лет, и оставалась с нами до самой смерти.

К этому времени мечты отца осуществились: мы жили в прекрасных комнатах и считались квартиросъемщиками из состоятельных слоев. Дни проживания на задворках дома кончились. Это не означало, однако, что мы могли купаться в роскоши. Зарплата отца оставалась еще невысокой. EQUITABLE Life Insurance давала надежную работу, но она отнюдь не представляла собой золотую жилу.

В своем воображении я могу воссоздать ясную картину нашего дома того времени. Он был обставлен весьма просто: половицы на крашеном полу, один-два цветных эстампа на стенах, застекленный книжный шкаф с любимыми книгами отца (конечно, классика) в переплетках с золотым тиснением. Мне запомнились, в частности, произведения Шекспира, стоявшие вслед за томами поэзии Гете, Шиллера, Гейне, пара романов Диккенса, который в то время еще не считался классиком, но был чрезвычайно популярным, и несколько книг издательства Таухница. Вечерами отец брал книгу с полки шкафа, читал нам вслух поэмы, отрывки из пьес и обсуждал с нами прочитанное. Потребность в хороших книгах он испытывал всю жизнь. Музыка его интересовала меньше, ею больше увлекались Эггерсы.

Ушло время, когда мы покупали уголь по пять пфеннигов. По крайней мере, в гостиной, где мы с Эдди жили и готовили свои домашние задания, было всегда тепло. Малютка Олаф дремал в углу комнаты.

Служанки у нас все еще не было. Вся работа приходилось делать маме. Она готовила пищу, штопала одежду, стирала, убирала комнаты. Даже сейчас я не могу представить, как ей удавалось справляться с этим и сохранять бодрое и добродушное настроение. Тогда мы воспринимали это как само собой разумеющееся. Она вставала утром раньше всех, готовила кофе для отца и двух школьников. Когда мы возвращались домой, комнаты были прибраны, кровати застелены, в гостиной горел яркий свет, обед приготовлен. Что мы ели? Тогда мы питались просто: лепешки из гречихи, большие клецки и кровяная колбаса, грубый черный хлеб, не очень отличающийся от того, что ели спартанцы. Простая пища полезна и питательна, она была у нас в изобилии.

Мы даже не знали, что представляет собой изысканная еда, пока на нас, детей, не произвел сильное впечатление один случай. Речь идет о семейном сборе Эггерсов, который произошел весной 1887 года, примерно за шесть месяцев до смерти бабушки. Наша семья, вероятно, не особенно заинтересовалась бы этим торжеством, если бы с нами не жила бабушка. Тот факт, однако, что она происходила из баронской семьи, послужил косвенной причиной организации в Гамбурге торжества в ее честь.

Сорок с лишним человек сидели за столом в ресторане гамбургского отеля, пируя, выпивая и слушая тосты. Время от времени в зал пускали детей. Помнится, мужчины курили очень много.

Та семейная встреча привлекла большое внимание общественности. Мне кажется, что гамбургцы считали ее довольно нелепой. В конце концов, мы жили в ганзейском городе, который с XIII века был известен своим буржуазным сословием и аристократия которого избегала кичиться титулами. Злые языки не замедлили посудачить насчет баронов, выставляющих себя напоказ. Позднее в Гамбурге распространилось присловье об «этих Эггерсах и их заносчивости».

Во всяком случае, в памяти осталось грандиозное торжество, модно одетые люди и в моей памяти, в частности, сцена с моей мамой среди родственников. В то время ей было тридцать семь лет, и, разумеется, она выглядела прекраснее всех присутствовавших женщин. У нее были красивые, точеные черты лица, темные волосы, в которых уже виднелись седые пряди,

большие выразительные черные глаза. Она выглядела среди родственников красивой и доброй, временами вступая в оживленный разговор, но большей частью слушая. Ее все любили, и я ужасно гордился ею.

Голос у мамы был тихий, но очень красивый и певучий. Когда ей казалось, что повседневные обязанности ее придавили, она пела свою любимую песню: «Уповай на Господа, душа моя, не падай духом; вверяй все Ему, Он придет к тебе на помощь...» Но она пела не только религиозные песни.

– Спой нам, мама, – просили мы, когда опускалась темнота и мы заканчивали домашнюю работу.

Ее не надо было долго упрашивать. В то время каждый, кто любил музыку, обеспечивал себя ею сам. Мама была музыкальной по природе. Пение являлось для нас одновременно отдыхом. Пели немецкие, диалектные, датские песни. Когда пела мама, мы молча слушали. И несколько часов спустя, лежа в постели, мы иногда мычали: «Маленький Оле со своим зонтиком...» (одна из датских песен).

Мама одинаково хорошо говорила на двух языках. Датский она выучила раньше немецкого, что неудивительно, учитывая ее происхождение как внучки датского советника. Но лишь спустя полвека я узнал, как глубоко в ней укоренилась датская природа. В 1935 году на смертном одре в берлинском Шлахтензее она стала что-то бормотать. Врач и медсестра клиники устали друг на друга в недоумении. Она повторяла молитву по-датски.

В то время мне было почти шестьдесят. Всю жизнь я говорил со своей мамой по-немецки. Но память о датском доме оказалась сильнее привычки всей ее жизни. Ее последние слова говорили о том, что она снова вернулась туда, где родилась.

Глава 3

Три императора в один год

В возрасте от шести до девяти лет я посещал подготовительную школу при педагогическом колледже. Приходилось преодолевать долгий путь до школы, который не стал меньше, когда в девятилетнем возрасте я выдержал вступительные экзамены в классическую гимназию Йоханнеум, славившуюся по всей Германии. Она была основана в 1529 году, когда классическое образование в стране достигло зенита.

Вступительные экзамены в Йоханнеуме проходили в пост 1886 года, как раз после моего девятого дня рождения. Разумеется, родители отвели меня в это старинное здание в сопровождении брата Эдди, гордо демонстрирующего свою школьную кепку и переполненного добрыми советами. В большом вестибюле мы увидели других родителей со своими детьми. Все они выглядели очень серьезными и тихо перешептывались, словно присутствовали на похоронах или смертной казни.

Наконец вышел директор и повел нас – без родителей – в большое помещение, где нас экзаменовали в течение четырех часов по всевозможным темам. Поступление в Йоханнеум было непростой задачей.

Мой биограф доктор Франц Ройтер описывает итог моей сдачи экзаменов таким образом: «На экзамене по арифметике в шестой (самый младший) класс Шахт отличился в худшую сторону от всех претендентов на поступление в гимназию...» А Норберт Мюлен (о котором пойдет речь позже) в своей книге «Волшебник Шахт» пишет: «По арифметике он получил низкую отметку. Необычный случай для будущего корифея финансовых расчетов...»

К счастью, я поднялся над средним уровнем при сдаче других предметов, поэтому все равно поступил в гимназию.

Если бы позже я занялся правом или теологией, никто бы и не вспомнил об этом экзамене 1886 года. Но в нынешнем положении меня до сих пор попрекают им. «Банкир, который путается в цифрах, – говорят они. – Как это возможно?» В таких случаях я рассказываю анекдот о знаменитом математике, который был вынужден пользоваться логарифмической линейкой. «Девять разделить на три, господа, – говорил он, – это будет – секундочку – два, запятая, девять, девять, девять... Скажем, приблизительно три!» И несмотря на это, он действительно был исключительно хорошим математиком.

Несмотря на низкие оценки по математике, меня нельзя назвать совершенным неудачником в карьере банкира или председателя Имперского банка. Контроль и управление банком – это не то что бухгалтерская работа. Первая работа предполагает профессиональные знания совсем другого рода: знание психологии и экономики, здравый смысл, способность принимать решения, а больше всего – умение постигать сложности и природу кредита.

Когда в школе узнали мой адрес, я очень быстро понял, что богатые жители Гамбурга в районе Санкт-Паули не живут.

– Аймсбюттельское шоссе? Что это за район? – спрашивали мои одноклассники из более состоятельных семей.

Я не знал, как ответить, и тот факт, что наш адрес не соответствовал ожиданиям, вызывал во мне неловкое чувство. Хотя я входил в число отличников, это не избавляло меня от пренебрежительного отношения, и лишь после перехода в старшие классы мне удавалось производить на других какое-то впечатление.

Отец напрягал все силы, чтобы мы с Эдди учились в Йоханнеуме. Мы знали, что из-за нас он не ходил в театр, не пил вино и позволял себе лишь одну сигару в день, да и то самых дешевых сортов. Наша домашняя жизнь отличалась спартанской простотой. У нас, детей, не

было карманных денег на развлечения, что же касается одежды, то она, конечно, не соответствовала последней моде.

– Тот, кто хочет чего-нибудь добиться в жизни, должен научиться пренебрегать неважными вещами, – говорил порой отец.

Вряд ли мы понимали в то время, как огорчала его эта сентенция. В конце концов, он мог бы легко следовать примеру своего собственного отца и особо не утруждать себя заботами о будущем сыновей.

Возможно, постоянный отказ от удовольствий и развлечений подействовал на его характер и ожесточил его. Если дело обстояло так, то он страдал от этого больше, чем мы. Во всяком случае, его никогда не покидала страсть к литературным беседам, разговорам о политике, торговле и технике. Как обычно, он беседовал с нами по вечерам и внимательно следил за нашими успехами в школе.

Для каждого мальчишки приходит время, когда он хочет носить брюки. У него ломается голос, он начинает быстро расти, и его длинные ноги смущают его. Где-то внутри его существует объект его обожания – идеальный образ молодого господина. И этот его герой носит модную прическу, облегающие брюки, иными словами, ведет себя как взрослый.

Так я начал приставать к родителям, говоря им, что являюсь одним из лучших учеников в классе, где другие мальчишки уже постоянно ходят в брюках-дудочках! Настало время надеть брюки и младшему Шахту!

Первая пара брюк стала жестоким ударом по моему самолюбию. Отец пошел со мной в магазин одежды и после долгих поисков выбрал брюки из добротной, не имевшей сносу дешевой ткани. Вы знаете, что это за ткань? Да, это английское изделие, но, конечно, не самый лучший образец английской ткани. Она груба, ворсиста и похожа на войлок. «Гладких» мест на ней не предполагалось, пока они не появятся после носки на коленях или ягодицах.

Я надел брюки и отправился в школу. Результат оказался не тем, на который я рассчитывал. Одноклассники увидели меня и принялись хохотать – Шахт носит дешевые брюки!

Вся моя радость от обладания брюками улетучилась. С тем большим упорством я учил неправильные глаголы, сферическую тригонометрию и странствия Одиссея.

Возможно, мои учителя чувствовали это рвение. Они были великолепными наставниками. Вовсе не пустомели, но добросердечные человеческие существа.

В то время в Йоханнеуме работал человек, пользовавшийся большим уважением среди учителей и учеников. Это был профессор Герман Шуберт, примерно лет сорока, математик, уроженец Потсдама. В возрасте двадцати семи лет он был удостоен большой золотой медали датской Академии наук за работу «Характеристики пространственных кривых третьего измерения». Позднее он был редактором «Сборника Шуберта», серии публикаций учебников по математике и математической физике для студентов.

Шуберт был одним из последних математиков гуманитарного направления: следующее поколение математиков уже включало такие имена, как Планк и Эйнштейн, после которых универсальную концепцию гуманитарных математиков заменили практические математики, технические специалисты и ученые в области естественных наук.

Но мы, конечно, не могли предвидеть этого. Гимназия была автономным заведением. В центре внимания находились такие дисциплины, как иностранные языки, история, религия, литература. Математика, физика, химия, естественные науки составляли, так сказать, внешний круг обучения. Меня интересовали, главным образом, гуманитарные науки, другие дисциплины – меньше. В этом направлении я и двигался, учась в старших классах, так же как и Эдди.

Но я не стремился выдвинуться. Такие замечания в моей школьной характеристике, как «сообразительный ученик, но не выше среднего уровня даже среди одноклассников», воз-

можно, имеют отношение к тому случаю с брюками из дешевой ткани. Полагаю, мое уединение было реакцией на социальные различия.

Сыновья из семей «высшего сословия» состояли в закрытых яхт-клубах, разбросанных по берегам Альстера (приток Эльбы). У них были собственные лодки, они посещали танцевальные классы, носили с ранних лет модные сюртуки, а летом ездили с родителями в Швейцарию, Италию и Норвегию.

Другие гимназисты были далеки от такого рода образа жизни. Если нам было летом слишком жарко, то мы покупали за пять пфеннигов билет на пароход или нанимали за десять пфеннигов отдельную кабину с ванной в государственных банях. Это доставляло нам большое удовольствие и укрепляло здоровье, но все же отличалось от отдыха сверстников из высших слоев!

Социальный контраст более всего проявился во время моих выпускных экзаменов. В то время было принято, чтобы гимназист приходил на экзамен в сюртуке и сорочке, поэтому мне пришлось искать способ приобретения этих необходимых аксессуаров. Проблема разрешилась благодаря тому, что экзамены проводились два дня подряд. Я должен был сдавать их на второй день. Один сверстник моей комплекции сдавал в первый день. Когда он выдержал свое испытание, я облачился в его одежду и пришел на экзамены в свою очередь.

Не могу выразить то, до какой степени я обязан классическому гуманитарному образованию в Йоханнеуме. Оно позволило мне не только ознакомиться с основными событиями истории Древнего мира, эпохи Возрождения, классицизма и романтизма, но, сверх того, постигнуть дух и характер этих эпох. Оно наполнило мою жизнь чувством гармонии, подлинной терпимостью и способностью понимать события своего времени. Оно научило меня встречать успехи и неудачи с позиции здравого смысла, выработало во мне стойкость и непоколебимую веру.

По случаю празднования 400-летия основания Йоханнеума в 1929 году я смог выразить ему благодарность, учредив фонд, доход от которого позволял двум выпускникам провести некоторое время за границей. К сожалению, этот фонд стал жертвой инфляции.

Решающие годы моей жизни выпали на период между 1888 и 1892 годами, между одиннадцатым и пятнадцатым годами моей жизни.

В 1888 году в Германии правили три императора, один за другим. В октябре того же года Гамбург включили в Германский таможенный союз.

В 1892 году Гамбург поразила страшная эпидемия холеры – последняя эпидемия такого размаха в империи. Несколькими месяцами ранее мои родители переехали в Берлин.

До этого времени у меня не было реального представления о власти и значении императора Германии. Вильгельм I, седой патриарх, пребывал в Берлине. Я смутно помнил, что императора тяжело ранили в 1876 году, когда кто-то покушался на его жизнь, что его сын Фридрих взял на шесть месяцев бразды правления страной. Тот самый Фридрих воплощал надежды на расширение свобод средних классов. Вильгельм I и его канцлер Бисмарк, возможно, были выдающимися, мудрыми, но в то же время умеренными во внешней политике государственными деятелями. Какая польза от внешней политики, говорили многие немцы, когда оставались нерешенными внутренние проблемы?

Ожидалось, что преемник Вильгельма I предоставит средним классам большую долю в управлении страной, обеспечит более либеральный курс во внешней политике и заменит наследственные привилегии знати буржуазными учреждениями.

То, что эти ожидания не основывались на коренных различиях в мировоззрении, или «философии жизни», между населением и властями, несомненно. Возможно, в Германии вообще не возникло бы понятия «философия жизни», если бы история развивалась в ином направлении. Но неблагоприятные события «года трех императоров» повлекли за собой то, что распространилось на целое поколение. Германия шагнула из эпохи консерватизма прямо в эпоху социализма. Либерализм, который Бисмарк однажды назвал «ранним посевом соци-

ализма», вовсе не выступал на политическую арену. Либеральный период последовал бы за достижением необходимого компромисса, как, например, в Англии. Новые политические тенденции развивались постепенно. Обнаружилось связующее звено между правящей аристократической династией и марксистскими массами.

Либералы надеялись, что все это постепенно уйдет во время правления кронпринца Фридриха, который неоднократно заявлял, что он прогрессивный мыслитель, готовый преодолеть узкий кругозор старого императора. Тридцать лет либерального развития избавили бы Германию от внутренней политической напряженности (в результате ускоренной индустриализации) и вывели бы из среды средних классов плеяду политических лидеров.

Именно в 1888 году я впервые услышал слово «рак». Говорили, что император Фридрих страдает раком горла, но мы не имели представления, чем это чревато.

Сегодня значение слова «рак» понимает каждый ребенок. Мне же помнится, что страшное, зловещее слово засело в моем мозгу на долгое время. Хотелось узнать, как выглядит «рак» в горле императора.

Год начался с публикации в газетах ежедневных бюллетеней, касающихся плохого состояния здоровья его величества императора Вильгельма. Взрослые мрачнели, когда читали эти бюллетени. Вильгельму был почти девяносто один год, когда он умер. Когда десятью годами раньше не удалось покушение анархиста Шиллинга, восьмидесятилетний правитель завоевал любовь нации. Его военное прошлое (заноза в теле для многих демократов) было забыто, так же как его меры против немецких революционеров 1848 года. Народ увидел его таким, каким он был на самом деле, – не гений, но патриарх на имперском троне, спокойный, мудрый старик, который хорошо знал, как реализовывать советы людей, которым он доверял. Когда он умер в марте 1888 года, был приспущен наш школьный флаг, его оплакивала вся страна. Трон отца унаследовал император Фридрих III. Мой отец возлагал на него большие надежды.

В то время я ничего не смыслил в политике. Все мне казалось идеально устроенным. Когда умер один император, его сменил другой. Очевидно, императоры никогда не вымрут.

Но я помнил разговор с отцом одним летним вечером в этом году. Как обычно, мы все сидели за столом. Небо за окном пылало яркими красками заката. Мы слышали, как мама на кухне звенит посудой, которую только что вымыла.

– Из Берлина плохие вести, – сказал вдруг отец Эдди и мне. – Рак горла императора ухудшается – говорят, болезнь неизлечима...

– Кто займет трон после него? – спросил я.

Отец воспользовался возможностью прочесть нам небольшую лекцию о законах престолонаследия Гогенцоллернов с переходом на законы престолонаследия европейских династий. Внезапно он замолк и выглянул из окна. Он явно забыл о том, что говорил мгновением раньше.

– Слишком поздно, – вдруг молвил он, – слишком поздно.

– Что поздно? – спросили мы.

– Слишком поздно взошел на трон император Фридрих, – сказал отец. – Старому императору было девяносто лет. Если бы он оставил трон пятнадцать лет назад... Тогда императору Фридриху было чуть больше сорока лет – самый подходящий возраст для правителя.

Через несколько дней снова были приспущены флаги: император Фридрих тоже скончался. В этом же году трон занял третий император – Вильгельм II.

Событие вызвало много откликов. «Три императора, – говорили оптимисты. – Подумать только, на что мы способны. Если нужно, мы можем произвести три императора в один год...» Пессимисты не считали, что этот роковой год является подтверждением германской мощи. Их реплики в основном были сродни замечанию моего отца.

На этот раз оснований для беспокойства за здоровье нового монарха не было. Правда, некоторые мои одноклассники заметили, что одна рука императора короче другой, но картины, которые теперь развесили во всех книжных магазинах, изображали его пропорционально сло-

женным, представительным молодым человеком, рыцарем без страха и упрека, с сияющими глазами и прекрасными темными усами. Он обладал типичным для Гогенцоллернов высоким, чуть покатым лбом, а на шее носил золотую цепочку с крестом и короной. Я рассмотрел его беспристрастным взглядом юноши и решил, что он выглядит лучше, чем его отец и дед. Об этом я сказал отцу во время обеда. Тот поднял голову и окинул меня несколько насмешливым взглядом.

– Итак, он тебе нравится! – воскликнул отец. – Ну-ну. Он мог бы быть твоим старшим братом!

Это было преувеличением. Когда Вильгельм II взошел на трон, ему исполнилось двадцать девять лет. Только гораздо позже я понял, что двадцать девять лет слишком мало для такого ответственного поста, который был занят накануне вечером человеком с молодецкими усами.

Одним из начальных государственных актов молодого императора по восшествии на престол стала закладка первого камня в фундамент свободного порта, благодаря которому Гамбург был включен в Северогерманский таможенный союз.

Вплоть до 1888 года Гамбург оставался с точки зрения таможенных сборов зарубежной территорией. Это давало его жителям то преимущество, что все продовольствие из-за рубежа поступало в город по международным, дешевым, конкурентным ценам. Однако это вредило торговле, потому что трудно было мобилизовать покупательную способность Германской империи из-за тарифных барьеров. Огромная масса населения, занятая в коммерции, промышленности или транзитной торговле, не могла воспользоваться низкими ценами на продовольствие, если не могла заработать необходимые деньги посредством соответствующего уровня производства и продаж.

Разумеется, каждый, включая соседей Пруссии, использовал по мере возможности налоговые льготы. Небольшое количество товаров разрешалось ввозить беспошлинно из свободной зоны в рамках так называемой приграничной торговли, и граничившие с Пруссией города, такие как Алтона и Оттенсен, получали выгоду от этого. Когда бы мы, дети, ни посещали тетю в Оттенсене, нам приходилось идти вместе с соседскими детьми за покупками в ближайший бакалейный магазин Гамбурга. Затем, сделав покупки, мы гордо шествовали обратно через разграничительную линию к служащим таможни, показывая четверть фунта кофе, сахара, чая и прочего, что разрешалось пронести без пошлины. Мы не находили в этом ничего странного и не имели никакого представления о существовании столь широко обсуждаемой таможенной проблемы.

Дядя Видинг, однако, имел весьма четкое представление о ней. (Это был старый друг семьи, которого мы «приняли» как дядю.) Он хотел как-то жениться на девушке из семьи Эггерс – сестре моей мамы Антуанетте. Но та отвергла его предложение и вышла замуж за датского государственного советника Эрстеда, племянника знаменитого профессора физики. Дядя Видинг никогда особо не расстраивался. Простодушный и добрый, он согласился с ролью обожаемого дяди детей сестры своего кумира. Он часто навещал нас, проявлял живой интерес к нашим успехам в учебе и дарил нам яблоки и печенье, которые извлекал из кармана пальто, как только входил в дом. Он называл маму «малышкой» и вел длинные беседы с отцом. Их любимыми темами были литература и так называемое «благополучие города», местное выражение, использовавшееся в то время жителями Гамбурга для характеристики того, что мы, более умудренные, называем сейчас «городской политикой».

Дядя Видинг был владельцем магазина и имел дело с английскими чулками и трикотажем. Он отличался честностью, был хорошо образованным и душевным человеком, но также принадлежал к когорте тех весьма искусственных в логике лиц, которым трудно понять, что люди не всегда поступают согласно велению разума. Он состоял в либеральной партии. То есть при-

соединился к тем людям, которые достаточно сильны в теории, но на практике редко имеют много последователей, потому что массы воспринимают вещи не так, как они выглядят в теории, а так, как они действуют на них в реальности. Теоретически правильная вещь, однако, редко впечатляет. Впечатляющая вещь – крайность, экстравагантность. Она лежит за пределами логики, разума и обыкновенности.

Включение Гамбурга в Германский таможенный союз было первым важным политическим событием в моей жизни. Однако для дяди Видинга оно явилось финансовым ударом. Его английские чулки подорожали из-за пошлины. Им пришлось конкурировать с изделиями Саксонии. Тем не менее Видинг безгранично верил в свой британский трикотаж. Он считал трикотажные изделия из Хемница низкокачественной подделкой, но не мог помешать их улучшению с каждым годом и достижению ими в конце концов превосходства в качестве и внешнем виде над английскими товарами. Бизнес Видинга неудержимо катился к разорению. Наконец он решился и уведомил клиентов, что магазин Юлиуса Видинга навсегда закрывается. Он не пожелал принаравливаться к новым методам ведения дела. С этих пор он перебивался своим доходом и принципами – скромное, но спокойное существование.

Мне посчастливилось занять удобное место во время церемонии закладки первого камня в строительство нового порта. Отец одного из моих сверстников был оптовым торговцем мясными изделиями и жил у дороги между внутренней бухтой и таможенной каналом. С площадки над ступенчатым входом в дом открывался прекрасный вид на сцену действий. Магазин торговца постоянно посещали докеры. Каждый день после полудня, между четырьмя и пятью часами, мясник повязывал вокруг пояса чистый бело-голубой фартук, брал большой поднос с сосисками и нес его клиентам в магазине. Из гостиной мы видели и слышали, как он продает горячие сосиски и шутит на местном наречии с рабочими.

Это был романтический уголок старого Гамбурга, где сходились море и суша. Повсюду причалы, молы, швартовые тумбы, баржи, лодки, корпуса старых кораблей и маленьких колесных пароходов.

15 октября 1888 года император Вильгельм II должен был заложить знаменитый первый камень в угловую башню моста через Зандторкай. Можно представить себе возбуждение четвероклассника в связи со всеми приготовлениями к этому событию. Меня ни в малейшей степени не интересовали постоянные предостережения взрослых относительно гавани. Главным было то, что приезжает настоящий император и я увижу его совсем близко собственными глазами!

За несколько часов до церемонии жители Гамбурга потянулись в направлении Маттентвите и улочек Старого города, чтобы посмотреть, как проедет мимо германский император. Буржуа в темных костюмах вели за руку детей. За ними шли жены с зонтиками.

Наконец мы увидели почетных гостей во фраках и цилиндрах. Издалека слышались приветствия, цокот копыт по Маттентвите. Затем появилась карета с упряжкой из четырех лошадей, в которой сидел 29-летний император в парадной форме. Он кланялся с серьезным видом направо и налево.

Не помню содержания речей в этот полдень. Мое внимание поглотил император, стоящий перед мостом через Зандторкай, выпрямившийся и серьезный. Видимо, его удивили странные названия улиц и причудливый, грубый выговор немецкого языка, которым отличались представители местных властей. На меня произвели сильное впечатление его великолепный мундир и весь внешний вид.

Наконец ораторы стали выражать добрые пожелания. Они подчеркивали важность данного исторического события, не забыли почтить правящую династию, упомянуть старый ганзейский город и многое другое. Кто-то вручил императору молоток. Он взял его, поднял и трижды ударил по камням, которые мастера предварительно установили в башне на мосту.

Эти три удара сохранились в моей памяти на долгие годы. С момента, когда они прозвучали, Гамбург лишился своего права беспошлинной торговли и был включен в более крупный таможенный союз – через восемнадцать лет после войны с Францией, из которой выросла империя.

С этого дня я смотрел на мир другими глазами. Существует большая разница между слухами об императоре и непосредственным лицезрением его во плоти. Власть – пустое слово, пока не увидишь ее конкретное проявление. Таким проявлением был первый камень, заложенный в строительство свободного порта Гамбург. Неожиданно мне открылось значение слова «политика». Я понял, почему люди вроде дяди Видинга волновались, когда обсуждали политику. Я впервые прикоснулся к более широкому миру.

Чтобы понять последующее влияние на Гамбург этого торжества, достаточно лишь проследить историю одной-единственной судоходной компании.

Hamburg-Americanische Paketfahrt AG (для краткости НАРАГ), основанной в 1847 году, пришлось уменьшить свой капитал в 1877 году с 22 миллионов 500 тысяч марок до 15 миллионов, перегрузив себя обязательствами в ходе конкуренции с Adler Line. В 1886 году, за два года до торжеств, связанных со свободным портом, пассажирскими перевозками занялся Альберт Баллин. Это был весьма способный человек, сын еврея, агента судоходной компании, занимавшегося заказами на рейсы для эмигрантов. Но даже сам Баллин не смог в одиночку восстановить могущество НАРАГ, которого компания достигла в течение предыдущих двадцати четырех лет.

В 1891 году были организованы еженедельные скоростные рейсы НАРАГ в Нью-Йорк и введены зимние круизы для туристов. В 1894 году введены в эксплуатацию крупные лайнеры ряда П (все названия этих судов начинались с буквы «П» – «Пруссия», «Персия», «Патрия», «Финикия» (по-немецки Phoenicia), «Палатия»). Эти пароходы строились для перевозки как грузов, так и пассажиров.

В период между 1897 и 1900 годами НАРАГ купила линии Гамбург – Калькутта и Гамбург – Кингсин, а также судоходную компанию De Freitas с бразильской линией. В 1900 году был сдан в эксплуатацию новый скоростной лайнер «Дойчланд», развивавший скорость 23,5 узла. К этому добавились в 1905 году грузовые и пассажирские суда класса «Императрица Августа Виктория» (водоизмещением 25 тысяч тонн).

В последние несколько лет перед Первой мировой войной сошли со стапелей один за другим три гиганта класса «Император»: сам «Император», «Фатерланд» и «Бисмарк», каждый водоизмещением более 50 тысяч регистровых тонн.

Число океанских судов одного этого типа возросло с 26 до 194 с ростом общего тоннажа с 71 тысячи до 1 миллиона 370 тысяч. С 500 тысяч кубических метров товаров ежегодные закупки теперь возросли до 8 миллионов 300 тысяч, и вместо 48 тысяч пассажиров в год лайнеры перевозили теперь в целом 463 тысячи. Десятикратный рост.

Я поддерживал знакомство с Альбертом Баллином, который был председателем НАРАГ, с 1899 года до конца Первой мировой войны. Через два года после краха Германии он покончил жизнь самоубийством.

Громадный прогресс и рост Гамбурга благодаря включению в рейх вскоре стали очевидны для всех. Внешняя торговля, промышленное развитие и самоуправление стали теперь триединым лозунгом, который превратил ганзейский город на северном берегу Эльбы во второй крупнейший город Германии и один из крупнейших портов мира.

Когда через четыре года фирма Eguitable решила перевести свой офис из ганзейского Гамбурга в имперскую столицу Берлин, мой отец тоже переехал туда.

Это открыло новую главу в нашей жизни. Отцу с матерью пришлось привыкать к совершенно новому образу жизни. Я же решил остаться в Йоханнеуме Гамбурга и с этой целью договориться о питании и проживании в семье одного врача в Веделе, в окрестностях Гамбурга.

Глава 4

Холера в Гамбурге

Грузовой фургон с мебелью, кухонными принадлежностями и прочим двинулся с места. Его тащили дюжие першероны серо-стальной масти с забавными пучками волос на копытах и брюхе. Отец, мать и Олаф отбыли поездом Гамбург – Берлин. Брат Эдди изучал медицину в Киле и полностью предался анатомии, веселым компаниям и привлекательным блондинкам. Я остался в Веделе близ Гамбурга.

Каждое утро я ездил поездом в Гамбург – поездка на час с четвертью – и возвращался вечером. Из окон своего купе я видел великолепные виллы в Бланкензее, принадлежавшие разным судовладельцам, и белые паруса яхт, курсирующих по нижней Эльбе.

Эти живописные картины не вызывали у меня восторга из-за хозяйки дома, которую подыскивали для меня родители. Она была скрягой, мачехой двум дочерям одного несколько тучного врача, друга моего отца в студенческие годы, жена которого умерла несколько лет назад.

Когда родители переехали в Берлин, они взяли с собой старшую дочь врача, а я остался на попечении его семьи в Веделе, чтобы продолжать учебу в Йоханнеуме. В результате такого обмена отпрысками я подружился с «неродной сестрой», и эта дружба продолжается по сей день.

Врач мне не мешал. Это был добродушный человек, которому не было нужно ничего, кроме прогулок в своей двуколке, запряженной пони. Когда я был дома, он спрашивал:

– Яльмар, как насчет того, чтобы прокатиться?

Я всегда соглашался, и мы вдвоем объездили всю округу.

– Дома не очень весело, – вздыхал он, когда мы подъезжали к заманчиво выглядевшему трактиру. – Давай зайдем, выпьем пунша.

Мы выпивали одну или несколько чашек в зависимости от самочувствия и ехали дальше.

Жена врача не утруждала себя заботой обо мне, но я с этим смирился. Я уже учился в старших классах гимназии, преподаватели обращались ко мне в третьем лице, как было принято в Германии среди взрослых. В дополнение к обязательным латинскому и греческому языкам я выбрал иврит в качестве факультативной дисциплины. Я не знал, займусь ли когда-либо теологией, но изучение этой дисциплины явно было нелишним. Позднее мы часто повторяли шутливо, что иврит ни в коем случае не является лишним в банковской карьере.

Верно, что иногда условия жизни в доме врача казались мне невыносимыми. Но с другой стороны, в нем был магнит, который удерживал меня, – младшая дочь.

Она не была моей первой любовью. Я пережил это чувство еще в пятом классе гимназии. Моей первой любовью была кузина из Нижней Саксонии, которую я увидел в возрасте пятнадцати лет во время свадебного торжества. Она так мне понравилась, что через шесть месяцев я отправился пешком за пятьдесят километров, чтобы увидеть ее снова.

Дочь врача вызывала несколько иное чувство. Его можно было бы определить как платоническое. Я писал ей стихи, но скрывал свои чувства. Мои мысли разрывались между ней и велосипедом, который я надеялся купить на деньги, заработанные частными уроками. Но прежде чем я мог совладать со своими чувствами, ужасная эпидемия холеры в Гамбурге опростила все мои планы.

Десятью годами раньше Роберт Кох, которого Германия в то время чествовала как своего героя, обнаружил холерный вибрион.

Видеть изображение холерного вибриона в газетах и наблюдать, как целый город становится его жертвой, – большая разница. Тем летом никто в Гамбурге и подумать не мог,

что обстановка в городе настолько ухудшится. Однако, очевидно, какой-то путешественник из Индии занес бациллу холеры, и она распространилась в городе. В вопросах санитарии Гамбург в то время сильно отставал. В то время Старый город был перенаселенным. Старые жилые здания, часто с одним-двумя туалетами на нижнем этаже и неудовлетворительной дренажной системой – стоки часто попадали прямо в Эльбу без всякой канализации, – представляли идеальную возможность для эпидемии. Более 10 тысяч жителей Гамбурга стали жертвами неудовлетворительного, одностороннего администрирования властей, которые уделяли слишком много внимания бизнесу и слишком мало – коммунальным услугам. В период между огромным пожаром 1842 года и бомбардировками союзной авиацией 1943 года в городе не случилось такой же ужасной катастрофы.

Особенно пугало внезапное распространение эпидемии, подобное взрыву. Только вчера я ездил в город из Веделя, писал на греческом языке сочинение и вернулся после полудня в дом врача без малейшего представления о грозной опасности, которой в тот момент уже подверглись тысячи людей. На следующее утро я набил свой школьный ранец, натянул на голову голубую шапку и отправился по неровной мостовой к железнодорожной станции. Увидев меня, начальник станции сделал знак подойти ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.